А. ХАДАРЦЕВ

РАЗМЫТЫЕ КОНТРАСТЫ

ТУЛА
2005

А. ХАДАРЦЕВ

РАЗМЫТЫЕ КОНТРАСТЫ

Стихи и проза

Александр Хадарцев – член Союза писателей России, с первой публикацией подборки стихов выступил в альманахе «Ока» в 1990 году.

В 1992 году издаются сборники стихов «Что нарисую я на полотне…» и «Любви не найден интеграл», в 1993, 1995 и 1996 гг. – «Углы России забелил туман», «Не торопись остановить часы» и «Из Тульских засек голос мой», в 1997 г. – «Виртуальные надежды», в 1999 г. – «Витражей акварельные пятна», в 2001 г. – подборка стихов в альманахе «Прикосновение», в 2002 г. – «У памяти преграды нет», «Извечных истин водопад», в 2003 г. – «Спичка жизни», а в 2005 г. – «Крепка любовь в любое время года». Отдельные произведения напечатаны в газетах «Медицинская газета», «Тульские известия», «Тула вечерняя», «Тульская правда», «Жизнь Правобережья», переведены на болгарский язык в газете «Медицина» (София).

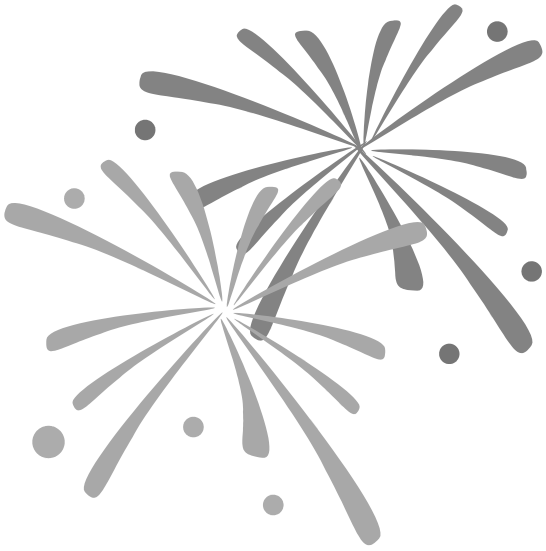
Хадарцев А. **Размытые контрасты.** – Тула: «Тульский полиграфист», 2005.– 188 с.

ISBN

© А. Хадарцев, 2005
© «Тульский полиграфист», 2005

ЗАЗДРАВНЫХ ТОСТОВ ВЕЧНЫЙ ГЛАС ...

Стихи



В «СТАРОМ ДВОРИКЕ»

Без философских вывертов риторики,
без неподвластных разуму идей,
беседуют коллеги в «Старом дворике»
о роли личных качеств для людей.

Полвека трудовых сияют знанием,
улыбкой глаз, способных понимать,
что человек силен образованием,
когда он смог интеллигентом стать.
А, значит, добротой насытил вечное
и тех, кто рядом, лично – не подвел.
Семью, коллег и дело безупречное,
как капитан в век нынешний довел.
Прошел сквозь дурь поры псевдореформенной,
неся по жизни некий шарм мужской,
в Госсанэпиднадзор на век оформленный
без права на болезни и покой.

Пусть бесконечно трудятся историки.
История творится каждый час –
везде: и за столами в «Старом дворике»,
где пьется за Лобковского – не квас!

2003

ЗАМЕС В ГРЯДУЩЕЕ

Вот так, мой друг! Полста и пять
приходят в год две тыщи третий.
Железом крепится бетон,
а годы – опытом сильны.
Нам не пристало уставать,
пройдя рубеж тысячелетий,
где все, что было, – яркий сон,
рождающий приход весны.

Готов в грядущее замес!
Засвищет в роще соловей!
Ну, а пока во тьму небес
мы крикнем дружно: «Будьмо, гэй!»

Не будем, друг мой, забывать
попоек дружеских радушье,
парилки жар, бассейна дрожь,
капусту с клюквой, русский квас!
Бушует молодость опять,
свободно дышат наши души,
мы – без трусов, и нас – не трожь!
А то ведь можем и послать!

Ну, как сегодня не напиться?!
За милых женщин! За друзей!
Пусть водка будет речкой литься
под наши крики: «Будьмо, гэй!»

Ну, что, мой друг?! Полста и пять –
заявка на большие даты!
Мы знаем – кто, и видкиля,
зачем, и, главное, почем…
Твои сто десять отмечать
придем колонной, но не пятой!
Ты – будешь править у руля,
и мы – на отдых не уйдем!

Душой открыт и мощен телом,
строитель – в сущности своей,
Считай свой возраст – беспределом.
За две пятерки: «Будьмо, гэй!»

2003

АРМЯНСКАЯ РАПСОДИЯ

Вдалеке от озера Севана,
от армянских гор за тыщи верст,
слышен тост за Рафика Папяна,
дню рожденья посвященный тост!
Многого достиг он в жизни тяжкой!
Дел грядущих – нам не перечесть!
Потому что с ним в одной упряжке –
слово, дело и мужская честь!
Процветает и растет Инд-Гарник,
каждый знает, где стоит хачкар!

В бизнесе – заслуженный ударник!
И по жизни – он совсем не стар!
Есть семья и дети подрастают.
Лишь от женщин он бывает пьян!
Есть друзей разноплеменных стая
и община земляков-армян…
Армянин крепчайшего разлива –
он идет по Туле в полный рост.
Так давайте дружно и красиво
за него поднимем главный тост!

2003

В ЖЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

То, что делаешь для женщин,
то – они не замечают.
А не сделаешь чего-то –
то они заметят вмиг!
Страшный сон твой будет вещим:
«не свершенья» – не прощают!
Ведь у них одна забота –
быть прекраснее других!

Пусть немые бриллианты
посильнее красноречья
в их загадочных головках
возбуждают интерес!
Безграничные таланты –
быть в кругу противоречий,
но справляться с ними ловко,
не входя в ненужный стресс!

Наши женщины – иные
на тропинках мирозданья!
Мощь взаимного влеченья
нарастает каждый миг!
И в одеждах, и нагие,
и в делах, и в ожиданьях!
У мужчин – голов круженье
по весне всегда от них.

Женский день восьмого марта –
вне погоды и ненастья,
в парфюмерии загадок,
в пестроте цветочных грез!
В год козы – удачи карта!
Это дама – козырь счастья,
знак любви и пониманья
в ожиданье вешних гроз!

2003

ЗА ГРЯДУЩИЕ 155 и 150!

Когда на днях декабрь-котяра
нам подарил мороз и снег,
то стало ясно «без базара»,
кого застольный ждет успех.

Вернувшись из далеких странствий,
друзья торопятся к друзьям,
заботы растворив в пространстве,
ныряя в ресторанный гам...

Там ждут цветы и поздравленья,
искристых тостов звездопад.
В дни юбилеев, без сомненья,
их полк друзей поздравить рад.

В день после зимнего Николы
не так светло, не так тепло…
Пусть ветки у деревьев голы,
но кровь кипит зиме назло!

Здесь будут славить три пятерки,
двойной счастливый юбилей,
листать от корки и до корки
заздравиц праздничный елей.

Не всякий здесь сказать решится:
вам на двоих – уже сто пять!
А, значит, время быстро мчится,
его уздой не удержать!

Но у Николы и Наташи
есть свой, бессрочный амулет –
сердца, любовь и мысли наши
продляют жизнь на сотни лет!

Бурлит вино, клокочет водка,
столы закусками полны…
Друг друга видим мы нечетко,
но выпить все-таки должны.

Перед пятеркой – единицу
пускай поставит время вам!
Тогда желаю всласть напиться
всем за столом сидящим нам!

2003

ДЕНЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА

На дружеской застольной встрече
в День физкультурника сидим.
Звенят стаканы, льются речи
про жизнь, диету и режим.

Про цель спортивных достижений,
как возродить российский спорт,
без нецензурных выражений
построить трек, побить рекорд…

Подняв бокал: «За физкультуру!»,
провозгласив «Физкульт – ура!», –
пьем за природу, за натуру,
за то, что пить бросать пора…

2003

ВОСЕМЬ ВЕРШИН

Восемь десятков, как восемь вершин,
покорены не случайно.
В суть биохимии вник осетин,
опыт неся за плечами.

Труд и талант – два надежных крыла,
в жизненной смуте опора –
ввысь поднимали седого орла
к тайнам ночного дозора.

Светлые мысли нести суждено
горцу в теснинах событий.
Право на это не многим дано:
быть на вершинах открытий.

Знает Всевышний, кому доверять
пламень бессмертной науки!
Тем, в чьих руках начинают звучать
формул аккордные звуки!

Горы-джигиты в папахах снегов
день юбилейный встречают –
рушатся вниз камнепадом стихов,
к добрым делам приглашают.

Сколько еще неподъемных забот
ляжет на крепкие плечи?
Тяжесть учебников, слава, почет,
тосты, хвалебные речи...

Магия чисел пророчит совет:
быть непременно удаче,
если направит течение лет
численный ряд Фибоначчи!

Восемь, тринадцать и двадцать один!
В пламенном вихре столетий –
столько десятков, Бог даст, осетин
будет творить на планете!

Старших не помнить – себя не ценить,
в этом всегда мы едины!
Не прерывается общности нить
в слове и деле мужчины!

Гордость Осетии – Темирболат
мудрости служит примером!
Факелы новых свершений горят!
Будущий век под прицелом!

2004

БОРИСОГЛЕБСКАЯ ДЕВЧОНКА

Борисоглебская девчонка!
Тебя не помню, извини!
Но точно знаю – голос звонкий
летит из детства в наши дни!

Там, где слилась с Хопром Ворона
в дубовом сказочном лесу,
над речкой дымка, как корона,
светила солнцем на росу…
Брильянты капелек сверкали
началом будущих хлопот.
И мы, беспечные, не знали,
какое время настает.
Прощаясь с голожопым детством,
где ни машин, и ни квартир,
учёба стала главным средством
попасть к судьбе на званый пир.

Борисоглебская девчонка!
Склероз проклятый извини!
Твой голос, как и прежде звонкий,
звучит в сегодняшние дни.

Нас всех больница областная
сплотила верности кольцом.
Страницы прошлого листая –
себя ни в чём не упрекнём!
Мы помним лозунг профсоюза:
«Вперёд на сцену, доктора!»
И нам стихи черкала муза
по сердцу кончиком пера!
Реформ застойная тоскливость
коснулась чуточку и нас:
остыла вера в справедливость,
но пламень мысли – не погас!

Борисоглебская девчонка!
Шум юбилейный – тоже шум!
Лет через сто твой голос звонкий
разбудит свежесть дел и дум!

2004

БУДЬМО, ГЕЙ!

Дороги, станции, перроны,
извечный перестук колес.
Людьми набитые вагоны,
гудящий в ночь электровоз…

Дорогу обустроить надо!
Нужна – могучая рука,
способная крушить преграды
и строить – людям, на века!

Для пассажира – безразлично,
где РЖД, где МПС.
Он должен убедиться лично,
в чем заключается прогресс.

Могучий друг друзей не тощих
делами, телом и мечтой!
Не ищет он судьбы попроще,
не знает термина – покой!

Он строит все, что только можно,
вплоть до церковных куполов –
красиво, просто и надежно,
возвышенных достойно слов.

Судьбой дается масса тела.
Его – чем больше, тем нужней!
И совершенству – нет предела,
пока мы слышим: «Будьмо, гэй!»

Здесь, в ресторане привокзальном
он нас собрал, как чародей,
чтобы в подпитии нормальном
могли мы крикнуть: «Будьмо, гэй!»

Строители – всегда элита:
и в будний день, и в юбилей.
Пока у всех еще налито,
давайте крикнем: «Будьмо, гэй!»

2004

С ЮБИЛЕЕМ!

Говорят, в Эчмиадзине
горный воздух чист и свят,
небосвод лазурно-синий,
свечи на ветру горят.
Арарат вдали белеет,
древней сказкой – Ереван,
как дитя форель лелеет
влага озера Севан.
Пятьдесят – не очень много!
Полстолетья – это да!
В этот день зовёт в дорогу
путеводная звезда.

И Давид Сасунский лихо
вздыбил мощного коня
так, что в Туле стало тихо,
только звякнула броня.
Сын Армении прекрасной
взял полсотенный барьер!
Он ворвался не напрасно
на просторы разных сфер.
Были взлеты и потери,
знал богатство и нужду,
но всегда в фортуну верил,
в эту самую звезду!

Гагик, два Ашота, Грачик,
Федя, (он же – Арутюн),
есть Альберт, а это значит –
в сборе весь «Дашнакцутюн».
Он по-русски очень просто
называется – «Союз».
Это значит – будут тосты
и улыбки нежных муз.
Здесь надёжный друг Папяна,
брат Армении – Алан,
взял билет до Еревана
наш профессор Семерджян…

Всех собрал сегодня Рафик,
кто ему приятен был,
но на тосты есть свой график,
я о нём не позабыл.
Встретил нас «Купец Платонов»,
в нём секрет армянский есть:
вместо звездочек погонов –
на бутылках звёзд не счесть!
Будь здоров, строитель века!
Есть хачкар! Инд-Гарник,– есть!
За большого человека
и в его сегодня честь!

2004

ЗАБЕГ ЖИЗНИ

Жизнь бежит по гаревой дорожке –
побыстрее, чем казалось нам!
Значит, время наставляет рожки,
не делясь с друзьями пополам!

Суждено почаще нам встречаться
в суматохе и застолье дней,
с каждым Новым годом удивляться
что приходит новый юбилей!

Только что, казалось, было сорок!
Пятьдесят – минуты две назад!
Хорошо, что не сыреет порох!
Плохо, что сигналит – шестьдесят!

Шут бы с ними! Я не математик
и готов считать хоть двести лет,
даже не упомнив чью-то матерь,
даже возраст не послав вослед!

Потому что друг наш общий – Коля –
будет век про «ридну» мать «спивать»,
отучать друзей от алкоголя,
ну, а в карты – продолжать играть!

Время есть – куражиться с друзьями,
ездить – хоть куда, хоть в «Роснеруд»!
И пускай зелеными деньгами
пенсию за ездки – не дадут!

Все равно, Валерий Резниченко,
«БУДЬМО, ГЭЙ!» кричать придется нам.
Ты запомни: срок – еще не стенка!
И дели свой возраст пополам!

2004

САХАРНЫЙ ДЕНЬ

Куда торопишься, мой друг?
До пенсии – лет шесть осталось?
И, хоть к земле не гнёт усталость,
но год промчался как-то вдруг…

Лишь повод – день рожденья твой
для встречи за столом банкетным,
где тост не будет безответным,
а рюмкам – не грозит покой!

Преодолев свистящий страх
перед дыханьем затруднённым,
ты стал с Людмилой породнённым
на сладкой жизни сахарах!

А сахар – надо растворять
и выводить его наружу!
Я вам диету не нарушу,
стремясь по полной наливать!

Подняв «За здравие!» бокал,
скажу с предчувствием глубоким:
«Пусть век не будет одиноким
под саксаулом аксакал!»

Пусть троекратное «Ура!»
подсушит мартовскую слякоть!
Погоде тоже хватит плакать!
Работать в Якшино пора!

2004

ПОЛТИННИК

На вопросы – нет ответов:
почему же и когда
наступает бабье лето,
отступают холода?

Настигает, блин, усталость,
постигаются друзья,
вдруг к себе приходит жалость…
Но кручиниться – нельзя!

Ведь «полтинник» – то же лето,
но не бабье, а судьбы:
в юбилейный блеск одето,
с легкой тайной ворожбы.

Вихри дружеских застолий –
дней рождений календарь!
В них закручивались вволю
и раскрутимся, как встарь!

Будет снова петь Солдатов,
будут тосты и стихи,
будем, как всегда, поддаты,
вспоминать свои грехи.

И прощать их тоже будем,
потому что грех – не в грех!
Все грехи простятся людям!
Не простится только Греф!

Круг друзей – по сути разных,
и по сути же – родных,
в понимании – прекрасных,
ну, а кое в чем – крутых!

Где Болясова Людмипа,
там людей водоворот!
Есть в ней внутренняя сила,
та, что манит и ведет!

Быть по жизни комсомолкой
суждено по жизни ей!
Ну, а мы готовы долго
ждать хоть сотый юбилей!

2004

СЕДОГОЛОВОМУ

Напрасно мы уходим от погони
незримо догоняющих годов!
Несутся в ночь желаний наших кони,
взметая гривы нецензурных слов!

Но возраст, как и ты, седоголовый,
еще гудит, десяткам лет назло!
Не ждет борец, всегда на все готовый,
от жизни сдачи, чтобы повезло…

Растет потомство, радость продлевая!
Зиме на смену вновь пришла весна!
Не зря жена, такая молодая,
тебя лишает праведного сна!

Богатым быть – нелегкое искусство:
суметь себя заставить сохранить
к друзьям и близким искренние чувства,
и с ними рядом долгий век прожить!

А то, что шестьдесят – совсем не вечер!
Скорее – день! А, может, и – рассвет!
Запомним в «Интерсити» нашу встречу
на шесть десятков близлежащих лет!

2004

ШЕСТЬ НА ДЕВЯТЬ

Николай! Принимай поздравленья!
Шесть на девять, как фото-размер,
возвещают о дате рожденья
человека из дружеских сфер!

Не угодником, а чудотворцем
ты означился в ворохе лет.
В жизни каверзной – был многоборцем,
чудодеем спортивных побед!

И, конечно, совсем не футболом
славен спорт удивительный наш!
Только в вольной борьбе с женским полом
достигается главный кураж!

Из меня камни сыплются градом,
вновь по улицам тульским стуча...
Вспоминается боль Петрограда,
Фудин видится в роли врача…

Я не выпал из общего круга,
а с камнями – один на один
за надежное здравие друга
пью коньяк и колю баралгин!

2004

АРМЯНИНУ РОССИИ

Ну и пусть, что пятьдесят!
Ну и пусть, что дед!
Годы весело свистят
нашей жизни вслед!

Где Гокча, или Севан
в бурку гор одет,
там – кяварец Гурурян
был рожден на свет.

Федя, что ни говори,
не боясь труда,
взял красавицу Мари
в жены навсегда!

Мэри, Норик и Виген –
их трудов итог!
Есть наследства мощный ген,
помогает Бог!

Мудрый папа Эдисон
рядом, как всегда.
То в Венев поедет он,
то опять сюда.

Друг по жизни, но как друг –
Арутюн не прост!
За общенья важный круг
поднимаем тост!

Пусть надежные дела
принесут доход!
Быть вокруг его стола
суете забот!

Где Севан избыток вод
бурно льет в Раздан,
там его, конечно, ждет
родина армян!

Только кто тогда у нас
крыши будет крыть?
Кто в счастливый жизни час
с нами будет пить?

Ну и пусть, что пятьдесят!
Ну и пусть, что дед!
За столом друзья сидят!
Выше – счастья нет!

Будь здоров, армянский брат!
Жизни и добра!
Дружбы свет – по жизни свят!
За тебя, ура!

2004

ОТЛИЧНИЦЕ

Нет, не случайно, что среда
пришлась на понедельник!
Уж начинать – так навсегда!
Не пьет один бездельник!

Как клетки шахматной доски:
то слава, то разборки…
Судьба не делит на куски
житейские пятерки.

За дочку – пять, за мужа – пять,
все – на высокой ноте!
Не зря приходится бывать
в хроническом цейтноте!

Она сама – надежный бренд
делам на факультете:
и аудит, и менеджмент,
и все, что есть на свете!

В науке – пять, за бизнес – пять!
Вокруг – одни пятерки!
Ее трудов – не прочитать
от корки и до корки!

И за улыбку – тоже пять!
Да, что там говорить!
Пятерок всех – не сосчитать!
Уж лучше будем пить!

И за друзей пятерка есть,
и пять – за связь с Управой!
Звенят бокалы, чтобы лесть
не путалась со славой!

Пусть дольше будет миттельшпиль,
как следствие дебюта!
Есть факультет, и бизнес-стиль,
и все по жизни – круто!

Пускай любовь ее хранит
от жизненных напастей!
Пускай в ее глазах горит
огонь несчетных счастий!

Пусть женский шарм, и доброта,
и трепетность удачи,
и дел, и мыслей красота,
ее – своей назначат!

Мужчинам, как всегда, стоять!
Ведь вы сегодня пьете
не за декана, а за мать,
за женщину в полете!

2004

ПЕНСИОННЫЙ ВОЗРАСТ

Нас годами пугали годы:
мол, учтите, наступит час
леденящей, седой погоды,
от которой слезится глаз.

Налетят шестьдесят, как кара,
сворой каркающих ворон...
Вдруг проснешься облезло-старым,
прерывая свой сон на стон.

Нас пугали, а мы все жили,
приближая годов чердак.
Было дело, без меры пили –
ради дела и просто так.

Но любили, вовсю любили –
есть и дети, и внуки тож.
Наши жены нам все простили:
и загулы, и выпендреж.

Нет у нас ни лампасной папахи,
ни зеленых шуршащих купюр,
ни батистовой тонкой рубахи,
пиджаков и порток «от кутюр».

Заявляю вполне конкретно:
шестьдесят – это тридцать на два.
Нет на будущее запрета,
на дела, на любовь, на слова.

Ведь не пенсия нам приятна,
хоть и женского рода она!
Мы, как солнце, плюем на пятна,
потому-то и пьем до дна.

Наступает мужское лето
после бабьего в сентябре…
Лето бабье веками воспето,
а мужское – в какой-то дыре.

Два по тридцать светить придется,
исправляя веков просчет!
В юбилей может кто найдется
и по полной за это нальет?

2004

НИ СЛОВА О ЖЕНЩИНАХ

Пусть Всевышний на грешной Земле
помощь нам не сочтет за обузу,
если жизнь на бильярдном столе
срикошетит нечаянно в лузу!

Вдалеке от торжественных гор
жизнь равнинная – нежно–сурова!
В ней друзей многочисленный хор,
но о женщинах в песнях – ни слова!

На картошке с селедкой взращен
пирогов осетинских ценитель!
Не был сам никогда уценен
всем известный алан-победитель!

Возраст свой нет причины скрывать,
если сердце на подвиг готово!
Можно просто о нем промолчать,
и о женщинах тоже – ни слова!

Тонны мази извел на больных,
но добился в леченье успеха!
Помогал при болезнях иных,
от которых друзьям – не до смеха!

Вечный критик армянских друзей –
с ними в доле: от хлеба до крова!
Но об этом нельзя в юбилей,
и о женщинах, кстати, ни слова!

На гербе его – кий и кроссворд,
знак вопроса к седому Кавказу!
Он Дианой и Аликом – горд,
хоть об этом не скажет ни разу!

Есть в семействе известный доцент,
лингвистической тайны основа.
Рядом с ней наш Алан – монумент!
Мы о женщинах, Белла, ни слова!

Много тех, кто хотел бы сказать
про Алана открыто и честно,
что его молодецкая стать
резонанс вызывает известный.

Наши жены в него влюблены.
Ну и что в этом факте плохого?
Нам соперники – тоже нужны,
но о женщинах, точно, ни слова!

Шесть десятков – вершина пути,
а за ней – еще выше вершина.
Надо к ней в бесконечность идти
легким шагом бойца осетина!

Пусть святого Георгия тень
будет знаком мужского покрова!
Пусть делами наполнится день,
а о женщинах, просто, ни слова!

Чтобы были друзья и семья
безусловной средой обитанья!
Пусть густеет макушка твоя,
написав седине завещанье!

Пусть струи не слабеет напор!
Пусть душа будет в теле – здорова!
А в стихах, не сочтите за вздор,
все – о женщинах, каждое слово!

2004

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

Дороги суть – до перекрестка путь,
А дальше – три пути, как в старой сказке:
Налево или вправо повернуть,
Иль по прямой на счастье сквозануть,
Лишив себя возможности подсказки –
Один лишь ты имеешь выбор свой,
Водитель, озадаченный судьбой!

В лесу – грибов, ну хоть коси косой…
От речки тянет ночью и рыбалкой…
Любовь жены зовет всегда домой…
О копке огорода из-под палки
Давно уже не думает она,
Являясь сутью термина: **жена**!

Но суждено, как видно, век прожить,
Азарт умерив, слушаясь друг друга.
Тогда к супругу ринется супруга,
Аркан удач пытаясь в счастье свить!
Шутить и в дни рожденья мы должны,
А всем всерьез – здоровья в день весны!

2004

ХОРОША!

Хороша хоть спереди, хоть сзади,
дата, у которой – пять и пять!
Две пятерки, будто на параде!
Жизнь – одна, другой – ни дать, ни взять!
Всем она оценки проставляет:
дольше – больше, и на всех хватает!

Так же хороша, как эта дата,
та, кого собрались поздравлять –
мы, не первой свежести ребята,
те, что знали возраст – пятью пять!
Только двадцать пять – не возвратятся!
Разве к ста прибавить постараться!

Женщины не любят юбилеи,
но не станут лет своих скрывать,
уходя в тенистые аллеи
лепестки былого обрывать!
Женский шарм в любое время – разный,
для мужчин – и в сотню лет опасный!

И, пока не сладилась хвороба,
дни рожденья – будем отмечать!
Ведь на них проставлена, как проба,
женского доверия печать.
Хоть на нас и пробы негде ставить,
юбиляршу мы спешим поздравить!

Путь мужского пониманья долог!
Не поймешь: кто – друг тебе, кто враг...
Инночка по сути – гинеколог,
видит нас, как шейку в зеркалах!
Быть добру, здоровью и удаче,
и любви без права передачи!

2004

МАСТЕР И МАРГАРИТА

Эх, Маргарита, где твой Мастер,
всепонимающий чудак,
такой же ярко-светлой масти,
творящий чудо – просто так?!

С Ершалаимом – не шутите!
На нем – истории печать.
Нет Мастера при Маргарите,
но каждый хочет мэтром стать.

История – все то же детство
и повторение времен.
От жизни – никуда не деться,
не убежав в блаженный сон...

На все – свое приходит время,
тем более – на юбилей.
Лаская будущего стремя –
становишься стократ сильней.

День юбилейный Маргариты
пусть будет розами увит!
Хребты Кавказа – не забыты!
И пусть к вершинам – не закрыт!

2004

ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

В памяти, как в вечности, растаяв,
лед событий пронесется вдруг,
где война безжалостно пустая
объясняла вам, кто враг, кто друг.

Под сто грамм наркомом данной водки
(на морозе вязкой, как кисель)
в танковом бою прямой наводкой
бьют сорокапятки точно в цель...

А потом придет весна Победы
в сорок пятом памятном году…
Многое боец уже изведал,
приступая к мирному труду.

Изучив на «ять» зубное дело,
зная кадры в области и вне,
вел стоматологию умело,
строя наяву, а не во сне!

Был когда-то танков истребитель
наш боец, испытанный войной.
Но, по сути, и в душе – строитель,
главный врач больницы областной.

Делегат партсъездов он – по праву!
Орденов, медалей – не сочтешь!
Много лет командовал Облздравом,
научая жизни молодежь.

Жизни книгу каждый день листая,
суть страниц сверяем по уму!
Ведь стоит больница областная,
как при жизни памятник ему!

А вокруг нее деревьев роща
кронами цепляет небосклон…
Тридцать лет назад в былинках тощих
эту чудо-рощу видел он!

Мы мужали с этой рощей вместе.
Мы росли, невзгодам вопреки.
И друзей своих без чувства мести,
в шутку называли «старики».

Многие – уже пенсионеры,
но еще способные любить!
И с надеждой, без излишней веры,
лет до ста надеются прожить!

Глазомер илюхинский – известен:
и в бильярде, и в делах иных!
Потому мы, как и раньше, вместе
отличаем от «чужих» – «своих»!

У «своих» – особенная малость:
верность цели, устремленной ввысь!
Двадцать лет до сотни лет осталось!
Так что, батя, трудно, но держись!

Поезд жизни мчит без остановки.
Восемь раз по десять – словно миг!
С Вами – мы! И нам – не до парковки
в череде воспоминаний книг!

Пусть «монетизации» удары
не коснутся ветеранских льгот!
Пусть забудут люди слово «старый»,
видя спектр илюхинских забот!

Пусть приходят радостные вести!
Пусть дорога дальняя зовет!
Мы – не уважаем бег на месте!
Только по-илюхински – вперед!

2005

ДЕНЬ ЗАЩИТНИКА

«День защитника» в городе Щекино
на окраине встретил друзей,
где мороз за окошком пощелкивал,
где всегда наливают «по всей».

Пили чтой-то на бруньках березовых,
пили все, что горит и хмелит,
и в надеждах на будущность розовых
разжигали крутой аппетит.

Жгла горилка перцово-медовая
легким жаром, туманя виски...
В хрупкой корочке жарилась «клевая»
сочность северной свежей трески.

Были тосты мужские и точные,
без патетики и без слюней.
Скреплены в обязательства прочные
те слова, что присяги важней.

Были тосты за женщин, рожающих
настоящих мужчин для страны,
на дела и борьбу вдохновляющих...
И за то, что нам бабы – нужны!

Всем: Надым и Плесецк вспоминающим
под бокалов веселую звень
будет помниться объединяющий
трубопроводосервисный день!

2005

СТРАНИЦА БЫТИЯ

По февральски щиплются морозы.
Даль, дорога, да и жизнь – чиста.
Ни к чему нам даже счастья слезы,
если исполняется полста.

Бытие – в страницах мы листаем.
Жаль, что эта книга не толста:
трудимся, ругаемся, мечтаем…
Глядь, а на часах уже полста.

Мы еще надеемся и любим,
веруем в спасительность креста,
прошлое свое с плеча не рубим,
даже если стукнуло полста.

Все в порядке: есть друзья и дети,
да и голова не так пуста!
Значит, возраст не напрасно светит
цифрами, хрустящими в полста!

Даже сотня лет – не так уж много,
если все решать и жить с листа!
Ведь любовь – девчонка-недотрога
хитро улыбается в полста!

Знаю, что под знаком Водолея
юбилей придется отмечать.
Значит, водку расплескать жалея,
будем воду в стопки наливать?

Нет у нас болезни Паркинсона,
и Альцгеймер – тоже не в чести!
Забывать про пьянку нет резона!
Так что, Водолей, меня прости!

2005

ТЕТУШКА

Светлоголовая Чернова
в кругу друзей, в петле забот
всегда сочувственное слово
для окружающих найдет.

В ее глазах искрятся вспышки
бесспорно шаловливых лет,
а в них – и школа, и мальчишки,
и радость маленьких побед.

Потом – строитель коммунизма,
парторг, любимый машзавод…
Вот только пенсию – Отчизна
ей очень скромную дает.

Лишь званье «тетушки» – надежно!
Она вступила в коллектив,
в котором спиться невозможно,
себе по полной не налив!

Она на Ясную Поляну
рвануть готова каждый миг!
Ей марш-бросок – «по барабану»,
и по душе – хороший стих!

Пусть в день счастливого рожденья
на женский праздник к ней придет:
простого счастья ощущенье,
здоровья – целый теплоход!

Пусть для плохого настроенья
не будет никаких причин!
А боль в груди – лишь от давленья
объятий ветреных мужчин.

2004

ВЫЗВАННЫЕ ПОТЕНЦИАЛЫ

Страна горда потенциалами,
но, сколько их не вызывай,
они сигналами усталыми
пророчат неизбежный край.

В ухабах города и веси,
наука ропщет в неглиже,
зато в трусах защиты «Челси»
мелькают яйца Фаберже!
В стране на все хватает денег:
на шоу, водку и гульбу…
В ней всякий записной бездельник
науку видит – лишь в гробу.

Бедняга нейрофизиолог,
кому ты нужен в жизни сей?!
Лишь венеролог да уролог,
психолог или косметолог,
пожалуй, нынче – всех модней!

Но звук сквозь глухоту пробился!
Прошло весомых десять лет
с тех пор, как в Туле засветился
большой науки яркий свет!
Искать не надобно управы,
когда Управа только «за»!
Когда для дела, не для славы,
вдруг исчезают тормоза.

Нашлись финансы, оснащенье –
муниципальных слез итог…
И тут случилось превращенье
в огромный пласт бюджетных крох!
Межполушарное согласье
важнее призрачных затей!
Родился Центр – не в одночасье,
но стал насущным для детей!

Комздравстрахмеду – поздравленья!
В. Жеребцовой – три «Урра!»
За сотни лет её правленья
принять по–маленькой – пора!

2004

ЖИЗНЕННЫЙ ВЕКТОР

С днем рождения, Марфа Васильевна!
Нынче – двадцать шестое число!
Ну, какими небесными силами
в майский хаос тебя занесло?

Все в руках твоих девичьих спорится!
В задней комнате – сущий банкет.
Знаю, время твое не ускорится
догоняя склерозие лет!

Каблуки, не по возрасту модные,
пусть сапожник покрепче прибьет!
Станут брючки на бедрах свободнее,
кипяток их насквозь – не прольет!

Кутерьма ожидания праздников –
это твой каждодневный удел!
Пусть орава друзей-безобразников
за столами вершит беспредел!

Дочку Ольгу с компьютером сладила,
приучила с рулем ночевать...
Зятя Гену в охрану наладила,
чтобы рынки вдвоем крышевать.

И Иван возвратился Иваныч
в круг испытанных верных друзей,
чтобы в тосте шепнуть тебе на ночь
про грядущий сквозь год юбилей…

Всем в округе известная тетушка,
собираясь на отдых слинять,
появилась, светла, как лебедушка,
чтобы счастья тебе пожелать.

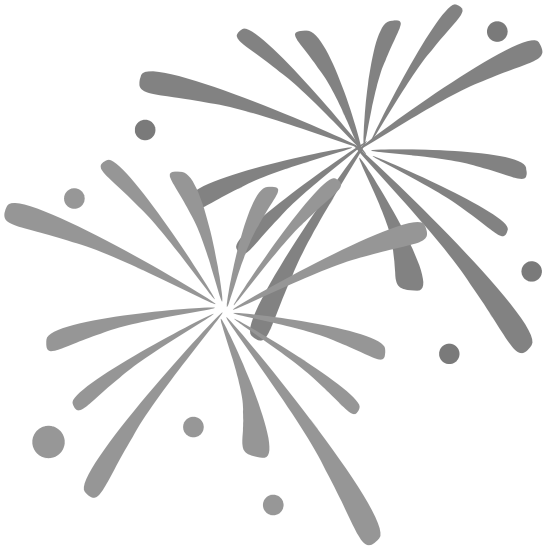
Из Ефремова сумку с картошкой
мы везем как бесценный балласт.
Ведь у всех есть надежды немножко,
что Надежда зарплату отдаст.

Вдаль стремящийся жизненный вектор
к юбилейному году ведет!
Лишь Иван Спиридоныч (директор) –
в кабинете дурниной орет…

2004

ТАКИЕ ВРЕМЕНА

Стихи



ПЬЯНЫЙ ТАПЕР…

А я опять сегодня пьяный!
Мне в этом виде суждено
играть на пьяном фортепьяно
хмельные песни для кино…

Во тьме мелькают света вспышки,
актеры льют каскады слез,
и фа-бемольные отрыжки
похожи на скелеты грез…

А на экране – Чарли Чаплин
верзил имеет только так,
и слезно-масляные капли
не держит зритель за пустяк….

Не понарошку, а в натуре,
сквозь вспыхи и петардный хлоп,
кровавит красным и лазурит
цветастых нот калейдоскоп…

Плывет «Потемкин» с чем-то красным,
на «Мэри Пикфорд» – синий шелк…
Тапер-художник слышит краски,
как зайца чует в поле волк.

В согласье с кино-новостями –
теперь по-новому грешу,
и клавишами, как кистями,
картины вечности пишу!

Да, я опять сегодня пьяный!
Окрасив музыкой рассвет –
плеснул себе на дно стакана
коньячно-дружеский привет…

Теперь никто меня не знает,
экранный видя цвет и свет.
Я пью до дна! Талант – скучает,
кино немого – просто нет!

2003

МОЙ ВОЙ

Не то, что ты не права!
Ты лишь не можешь понять,
что дышат мною слова,
в которых боль не унять!

По безысходной стене
бесшумным выкриком вой:
«Ты оставайся во мне!
Ты оставайся со мной!

Плесни рыданий поток
на хриплый сердца пожар!
Я, как и ты одинок,
и даже чуточку – стар!

Плывут от нас времена
зеленоиглой тайгой,
гитары стонет струна,
но ты – останься со мной!

В подлунность неба кричать
без хрипа я не привык!
И, может, стоит начать
искать бездонный родник?

Утри слезинки дождя!
Пускай наступит покой!
В пространстве есть ты и я…
И ты, как прежде – со мной!»

2003

ГОРДОСТЬ ТУЛЫ

Нет счета установленным рекордам
и чемпионов разных лет не счесть,
на всех турнирах праведно и гордо
родного спорта защищавших честь.

Припев:
Славься, кафедра физвоспитания!
Гордость Тулы – студенческий спорт!
Бесконечен финал состязания,
где здоровье – наш главный рекорд!

Не только первоклассным волейболом
гордился всем известный «Политех».
В борьбе с непревзойденным женским полом
студенчеству сопутствовал успех.

Припев:

Удача по бумажке – не дается,
дорога к ней – сквозь мышечную боль.
Победы знамя рядом с нами вьется
и ни к чему табак и алкоголь!

Припев:

Пусть отдыхать нам, как и всем охота,
но тренировки – это не курорт!
Трудиться надо до седьмого пота,
пока богиня Ника не придет!

Припев:

2003

НЕ ПЛАЧЬ!

По дороге из прошлого в вечность
мчится время нелегкое вскачь.
Но, покуда жива человечность,
по утрате надежды – не плачь!

В феврале – то дожди, то снежинки
крутит ветер – великий скрипач.
Тают слез холодящие льдинки…
По зиме уходящей – не плачь!

Слезы грусти – лишь повод к злословью,
их надежнее в прошлом припрячь!
Исцеляется горе – любовью!
И поэтому – больше не плачь!

Хлынут доброй волной непременно
струи теплые ветра удач!
Будут в жизни твоей перемены…
Ты, пожалуйста, только не плачь!

Что нам годы, веселым и юным,
если стержень надежды горяч?
Пусть аккордом взрываются струны!
Ты не плачь, ты не плачь, ты – не плачь!

2004

БИЛЬЯРД

Бильярд – серьезная игра:
шары и кий в ней много значат.
И луза – это не дыра,
а емкость ветреной удачи.

Процесс пошел, как никогда, –
на три руки шары катают…
Ну, а они летят туда,
куда нас часто посылают.

Учитель ученицу вел
к непредсказуемой победе:
меж двух шаров кием об стол,
чтобы забыла об обеде!

Есть стратегический запас,
он называется: две палки.
Мы их оставим про запас,
когда сыграем в поддавалки!

2004

КОСИ КОСА …

Болезнь косой косит народы,
страна – косит в капитализм,
а коллективные подходы
похерил враг – монетаризм.

В районах – уйма косолапых,
и косоглазых – тоже тьма…
Ну, а в столицах – смрадный запах
от плоскостопия ума!

Весной, скосив глаза под юбку,
невольно думаю о том,
что окосею не на шутку,
но лучше все-таки вдвоем!

2004

ГЕРОЮ РОССИИ

В легендах – всякое случается,
в былинах – все богатыри!
По жизни так не получается,
как в сказках, что ни говори!

Но правил нет без исключения,
закономерность такова,
что на Земле чудес явления
случаются без волшебства!

Отечество спасавший сокол
на беды мчал, как на таран,
увидев мир сквозь ясность стекол,
в бою и жизни – великан!

Во исполнение приказа,
в котором главное – «Вперед!»,
давил протез на сектор газа
и ввысь стремился самолет!

Крылатый сын России вечной
парил в пространстве – без руки!
Он не считал себя увечным,
взлетев, науке вопреки!

Не знал про Гиннеса, рекорды,
что он – единственный такой.
А просто был до боли гордым
Отчизной, небом и собой!

Не отразят газеты, стенды,
геройской жизни миг и век!
Нет человека из легенды!
Есть – легендарный Человек!

2004

ДЕВЧОНКИ

На Кипр российские девчонки
несутся, как на званый пир,
задрав на попочках юбчонки,
оставив нам тепло квартир.

Снижают цены на объятья
девчонок из рубежных стран...
Объем мужчиновосприятья
и женский шарм – им свыше дан.

Панели мира и перроны
увидеть их обречены!
Все новомодные салоны
российской свежестью полны.

Безденежье и самомненье
несут девчонок по волнам.
Им нипочем уничиженье,
стыдливость и всеобщий срам.

Скрипит в коттеджах и отелях
печальной правды сексскровать...
Хотя собой, на самом деле,
их не учили торговать.

2004

* * *

Дрожащим от холода маем
продрогшее солнце скулит,
порывами ветра взвывает,
одеться теплее велит.

Агония зимней утраты –
в морозных разводах стекла…
Мы сами с тобой виноваты,
что так не хватает тепла…

2004

ДЯДЕ САШЕ

«Выиграв конкурс на лучшее исполнение авторской песни, досрочно освобожден заключенный N»

(из телепередачи)

Помню «тяжких телесных»
я смертельный исход,
ночи в камерах тесных
и команду: «Вперед!».
«Руки за спину, суки!
Постигайте навзлёт
суть тюремной науки,
зоны жизни оплот!»

Я не просто жиган,
не в бреду и не пьян,
но срываю охрипшую глотку.
Синим орденом дан
мне елецкий тюльпан
за четвертую, кажется, ходку.

Пусть на лбу и спине,
как кресты на окне,
и на веках наколка синится!
Только кажется мне –
жизнь промчалась во сне,
лишь на шконке любимая снится…
Все по жизни – ботва!
Срок мотай, не мотай,
знает только братва
про сентябрь и про май.
Три десятка на зоне.
Я теперь «Расписной»!
Ухожу от погони
по привычке блатной.

Жаль, что возраст догонит
в недосиженный срок.
Бег от этой погони
будет, точно, не впрок!
Но срываюсь на волю,
где свободы глоток
ждет меня с хлебом–солью
пусть на миг, на часок…

2004

ДЕРЕВНЯ

Земля насытилась дождями,
копнешь два раза – и вода…
Деревня горбилась домами,
трясла дорога вдоль пруда.

Крапива жгла открытость тела,
комар впивался в сладость пор…
И я хотел, и ты хотела…
скорей залезть на косогор.

На речке рыба не ловилась,
сознанье плавил солнцепек,
надежда только засветилась
и снова спряталась в тенёк.

2004

БОКОВОЕ ЗРЕНИЕ

Коль боковое зрение надежно
нам отличает друга от врага,
то, глянув влево, видим придорожно:
вон – девушка, вон – бабушка Яга.

Девчонка шла, ступая осторожно,
но юбки расходились берега.
Сглотнув слюну, сказал мой друг тревожно:
«Ты посмотри, богатая нога!»

Потом глазами снял с нее, что можно,
а что нельзя – повесил на рога…
Как жаль, что из машины невозможно
схватить кусок чужого пирога.

Нога – богаче, может быть, найдется,
поближе, постройней и понежней.
Но глазу ближе то, что вдруг дается,
и сердцу, то, что вдруг, всегда нужней.

2004

СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Кто ведет меня за бороду
в миф словесной чистоты?
В мир, который под заборами?
Может – небо? Может – ты?
Рифмы льются ненатужные,
ясность смысла, как в кино.
И слова, все больше нужные,
но пустые все равно.
Под заборами условными,
где крапива и осот,
колея рядами ровными
вдаль уводит от забот…
Хоть накатана, наезжена,
но – надежна ли она?!
Колея – не обезврежена
от закладок минных сна.
В этом сне уснуть не можется!

Там взрывается покой
слов, которые не сложатся,
не забрав меня с собой!
Там стихи – всегда случайные!
Там любовь – всегда права!
Там, во сне, в дырявом чайнике
выкипают в пар слова!
А на свете, нам доверенном,
наяву, а не во снах,
книжки пишутся немеренно,
не за совесть, не за страх.
Здесь из букв творится целое,
как мелодия из нот,
как из снега баба белая,
как из мата анекдот…

2004

МАРСИАНСКАЯ ИСТОРИЯ

На пустой планете
дует красный ветер,
так, что мочи нет.
Там, в тени от солнца,
будто сквозь оконце,
опадает свет…

На земле зеленой
закраснелись клены,
звон небесный – чист…
Самым бабьим летом
нежно-желтым цветом
опадает лист.

На закате буден
разум не подсуден,
устремленный ввысь!
Но с приходом веры
в торжество химеры –
опадает мысль…

От Земли до Марса
протянулась трасса,
в ней бюджет лежит!
А землян все чаще
закрывают в ящик,
опадает стыд…

Опадает лист, опадает свет,
опадает мысль, опадает стыд…
Наяву скелет из людских обид,
да надежды клок, что на нем висит,
да метели свист в звездопаде лет…

2004

МАРТОВСКАЯ ВСТРЕЧА

Распутник март за окнами скрипел,
из слякоти в мороз себя бросая...
Пришла весна в тулупе, но босая,
похожа на российский беспредел.

Мужчины вдруг отправились в поход,
ища подарки в джунглях магазинов,
завалы дел на миг один раздвинув,
ныряя в неизведанность забот.

А женщины проходят сквозь мужчин,
дыша соблазна легким ароматом,
чтобы они с упорством виноватым
хоть день, но потолкались у витрин.

Весна не зря нам праздник принесла!
Все в женщинах вселяет в нас надежду:
не только ножки, но и то, что между…
Прекрасны в них и души, и тела!

Пусть не всегда понятны их поступки,
невидимы загадок берега!
Их милостью имеем мы рога,
(надеюсь – не всерьез, а в виде шутки!)

Но женский праздник в кучу всех собрал –
и осетин, и тех, кто рядом с ними.
Друг друга признаем всегда – своими,
наполнив братством праздничный бокал!

Пусть женское терпенье и любовь
не знают временных ограничений!
Пусть дети не приносят огорчений,
а молодость приходит вновь и вновь!

2004

ПРОЩАНИЕ С СУРГУТОМ

Покинув праздничный Сургут,
песнь сердца и желудка,
куда-то в тундру нас везут –
хорошенькая шутка!

Чернеют лиственниц стволы,
лишайник, мох, болота,
пни, кочек острые углы,
звериная охота.

Горит кора, дымится мох,
как будто в церкви ладан.
Встречает нас хантыйский Бог
языческим укладом.

Там строганина, перец, соль,
хлеб, клюква и брусника.
Туда, где жизни канифоль,
попробуй, загляни-ка!

Чапайно-шустрый голова
русскинского угодья
находит нужные слова
про схваток всепогодье,
как трех медведей завалил,
как в чуме мерз ночами,
и как чуть-чуть не прихватил
хантыйку в дочки маме.

Поет старинная Югра
под струнное бренчанье
о том, что скоро в путь пора,
что близко расставанье.

Что Обь куда-то унесет
все, что мешает людям,
что мы радушный наш Сургут,
конечно, не забудем…

Кокланами хай хай гэ!
Тогданами хай хай гэ!

2004

ПУСТЬ ОСТАНЕТСЯ ВСЕ

Пусть останется все, как сталось!
Залежь грусти нельзя ворошить.
Наступила нежданно усталость
и не можется больше любить!

Что-то сделано, что-то осталось…
Замок прошлого – не сокрушить!
Жаль, что вместе, хоть самую малость,
не удастся спокойно прожить.

С мокрым летом весна не рассталась,
им положено вечно дружить!
А слезинка – случайно сорвалась,
улетев в бесконечье кружить…

Как с разлукой любовь не срасталась –
смогут осень с зимой рассудить.
Черной тучей нахлынула жалость.
Оборвалась непрочная нить.

2004

СЭР ГУБЕРНАТОР

Сидит мой друг, глаза на чудо выпучив,
кривя от смеха с удивленьем рот.
Страну ни Бог, ни ВВП не выручит,
коль губернатор семечки грызет.

Зарплаты – нет! Чубайс рубильник вырубил.
Хор подхалимов благостно поет.
Корабль страны в непонятое вырулил,
а губернатор семечки грызёт!

Деревни вымирают от бесплодия,
поля пустеют, бедствует народ.
А в Белом доме – Ваше благородие,
сэр губернатор семечки грызет!

Сидит он в кресле, будто на завалинке,
на все в округе шелухой плюет.
Ему бы телогрейку, шапку, валенки,
пускай в деревне семечки грызёт!

2004

УПРЕК ЛЮБВИ

Упрек любви, как старость у виска!
Тоска нахлынула с поспешностью цунами,
тисками стиснув то, что я искал…
уняв накал, возникший между нами.

Словами уничтожен хрупкий мост.
Погост упрятал нежности намеки.
В истоки мыслей рвется в полный рост
нескучный тост про зряшные упрёки.

Как здорово, что это – полный вздор!
Забор возник во сне, не между нами!
Ростками нот овладевает хор…
Напрасен спор! Я стану счастлив с вами!

2004

ПЕРСПЕКТИВА

Что нам временем уготовано,
мы с друзьями не знаем пока.
Жизнь – в линеечку разлинована,
как страницы из дневника.

Просто – время над нами куражится,
задавая вопросы свои.
Но ответы не трудными кажутся,
потому что поют соловьи.

Майским холодом веет неистово,
пробирает мороз по ночам.
Соловьиные арии выстрадав,
мы не верим хвалебным речам.

Верим в летнюю жаркость грядущую,
в неизбежность дальнейших побед,
и в весну повсеместно цветущую,
и в любви обжигающей след!

Были вёсны всегда заколодованы,
зарождением завтра полны…
Те, кто жизнью – насквозь проспиртованы,
сохраниться подольше должны!

Лет на тридцать – до тридцать четвертого
в новом веке, как минимум – быть!
Чтобы пробки бутылок – вывертывать
и за здравие вечное пить!

2004

ОСЕННЕЕ

Что-то случилось! Стихи – не случаются.
Речи – бессмысленны. В мыслях – сквозняк.
Листьев обрывки – с деревьев срываются.
Солнечный холод – как осени знак.

Может быть, годы вздувает снежинками
северный ветер – предвестник зимы?
Может, не теми гуляем тропинками
в поисках нежности грустные мы?

Или по бабьему лету бостонному
жженой соломы развеянный дым
мажет приглушенно серыми стонами,
делая желтое – скучно-седым?

Что же случилось? Стихи – продолжаются.
Голос, как колокол. Мысли – чисты.
Просто зима и весна – возрождаются,
осенью стылой сжигая мосты.

2004

ЛЕВАЯ ПРАВОТА

Я никогда не осуждаю женщин:
их правота правее прав моих.
Их шепот ночью, будто голос вещий,
тревожит сердце и рождает стих…

Их губы набухают от желаний…
упругости и силе вопреки –
они ласкают нежностью касаний,
как теплая волна большой реки.

Глаза в глаза – надежду излучают
на будущую близость бытия.
Пусть души при слиянье тел скучают,
но тоже шепчут в небо: «Ты и я»…

И никогда не осуждая женщин,
чья правота правее СПС,
считаю всех, кто рожками увенчан,
достойными признания небес.

2004

ГИМН ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рожденный в тридцатые годы,
оплот инженерных побед –
он в жизни родного народа
оставил незыблемый след!
Освоено горное дело,
в итоге – возник «Политех»,
где тульские кадры умело
ковали грядущий успех!

Припев:

Сквозь века младенчества
льёт науки свет
в будущность студенчества –
Университет!
Трудовой и царственный
в переплёте лет
Тульский государственный
Университет!

И дело – совсем не в названьях!
Не в том, что пришла смена вех!
А просто – на старте желанья
в непознанность автопробег!
Где флагманы и командоры –
в единой команде штабной,
на картах и планах которой
грядет перспектива стрелой!

Припев:

Традиции – наша опора,
а истина – верный маяк!
Сквозь тернии, звезды и горы
нам видится вечности знак!
И в школах, и в кадрах готовых –
фундамент российских побед!
Своих Ломоносовых новых
готовим мы к выпуску в свет!

Припев:

2005

ПУТЬ ТУДА

Как врубелевский Пан, прозрачными глазами
смотрел на беспредел сверхсытых и глухих,
белесой бороды лохматыми кудрями
скрывая постный мир пустых забот своих.

За пустотой души угнаться невозможно,
пытаясь простотой ее заполнить суть!
Нет радости внутри, когда вокруг – тревожно.
Одна тропа – в петлю, с которой не свернуть.

Но это путь туда, откуда нет возврата.
Билет в один конец – бесплатней всяких льгот!
Не надо за него платить процент «отката»,
и не с кого спросить за неудачный ход.

И некого судить за сделанное дело!
И некого сводить с растресканной судьбой!
И некому шепнуть: «Зачем фату надела?»
И некому вернуть все, что унес с собой!

* * *

Веки прикрыли остывшую суетность взора…
Тело сковала прохлада увядшей души…
Сбросив навечно вериги тоски и позора,
их примерять – никому отдавать не спеши!

2005

ЦУНАМИ

Никто не ведал про цунами.
Спал океан – нежней, чем шелк.
Один провал, один толчок –
и вот вода пошла кругами,
людей смывая, как песок
в слюне хрустящий меж зубами,
рождая боль, страданье, шок.

Валы катились друг за другом,
прессуя воздух в страх и стон,
живое – погружая в сон.
Светило солнце желтым кругом,
окрасив бирюзу в лимон,
но волны, набегая цугом,
крушили все со всех сторон…

Многоэтажные громады
соленой, как рассол, воды
окутали домов ряды,
их превращая в водопады,
сливаясь в бездну борозды,
прочерченной всевышним взглядом,
или воздействием звезды.

Пульсар космической тревоги
простер к земле свой звездный луч
сквозь магмы жар и зябкость туч.
И не при чем тут святы Боги!
Толчок стихийностью могуч
ведущей в Никуда дороги,
где к истине – утерян ключ!

И в человеческом начале –
один порыв, один плевок,
вовсю бурлит идей поток
и чувств: от смеха до печали…
Не долог нашей жизни срок,
но мы, увы, умней – не стали.
Урок судьбы – опять не впрок!

То смерть на вираже догонит,
то дном бутылочным мигнет,
то гексагеном полыхнет,
то с «Курском» рядышком затонет,
иль в землю втиснет самолет,
иль звоном славы затрезвонит,
но жизней лепестки – сорвет!

Цунами – это крик планеты,
сигнал космической беды,
рожденной злом людской орды –
забывшей старые заветы,
не плавящей любви руды,
презревшей разума советы,
молясь на чуждые труды.

Апокалипсис – наступил!
Мы в нем бездумно существуем,
(хоть холод запредельный – чуем).
Стараясь из последних сил,
без поводов, но торжествуем
с беспечностью хмельных кутил,
собой и ближними рискуем…

А надобно – полет годов
продлить в друзьях, в заботах, в деле,
чтоб у любви не зачерствели
потоки нежно-свежих слов!
Чтоб в Новый Год стремились ели
к высотам самых добрых снов,
и мы – помедленней старели!

2005

СПАСИБО ЖЕНЩИНЕ

Спасибо, женщина, тебе:
за предложений недосказанность,
за обещания обязанность,
за бесконечную привязанность
к делам, и к мыслям, и к себе!

Спасибо женщине любви:
за колдовство нам не известное,
за слов безмолвие чудесное,
за мнение, для нас не лестное,
и за бурление крови!

Спасибо женщине мечты:
за зим суровых потепление,
за неизбежность вдохновения,
за не измеренность терпения,
за миг вселенского прощения
и за цунами красоты!

Спасибо, женщина, тебе:
за нежное благоухание,
за мыслей легкое порхание,
за губ дрожащих набухание,
за шепот, спрятанный в дыхание,
и за уступчивость в борьбе!

2005

ПРОЗА

ДОРОГА В ПОТЕМКАХ…

Первая проба кисти в году

Настал новогодний праздник.
Но я печален… На память мне
Приходит глухая осень.

(Из хокку Басё, XVII век).

Часть I. Неудавшееся торжество

Электричка рывком тронулась с места. Стоящие в проходах пассажиры на мгновение потеряли равновесие, затем каждый приступил к привычному для него на ближайшие три с половиной часа занятию.

Пожилой мужчина с седыми пушистыми, как кроличий хвост, усами уставился в тщательно прикрываемый от соседей номер «СПИД–инфо», пытаясь, видимо, найти в нем образы давно прошедшей, но укутанной в предрассудки, а, может, просто в стыдливость – юности. На нем были одеты синий в полоску костюм, кремового оттенка водолазка, мягкие хорошо растоптанные мокасины. Портфель желто-коричневого цвета, из хорошей кожи, истертой временем, выглядывал из-под локтя, отгораживая левый бок пассажира от вагонной стенки.

Девушка с черной, будто из гладко причесанного конского хвоста, челкой – прожигала во всех направлениях пространство вагона чуть косящим взором, то ли ища кого-то, то ли просто пытаясь выловить ответный взгляд. Пушистая мохеровая кофта на ней была вызывающе фиолетового цвета, длинная юбка из пледа в шотландскую черно-красную клетку контрастировала с небрежно заправленной белой блузкой, верхние две пуговицы которой были, может – случайно, может – преднамеренно, расстегнуты, приоткрывая упрятанные в кружевной лифчик рвущиеся наружу груди. Руки ее теребили маленькую парчовую косметичку. Казалось, она случайно забежала в вагон электрички, не понимая, куда она едет, и зачем попала сюда.

Молодой, лет тридцати, мужчина с двумя тяжелыми сумками наконец-то разложил их на полу в проходе между сиденьями, достал из кармана помятый блокнот, ручку, и начал что-то писать в нем, вглядываясь в свои каракули сквозь тонкие стекла в круглой оправе. Его рыжая бородка и длинные волосы до плеч создавали образ разночинца, человека из времен Добролюбова или Белинского, хотя джинсовый потертый по всем правилам костюм в сочетании с кожаной барсеткой, черной майкой и часами «Сейко» свидетельствовали о совершенно другой эпохе, то ли наступающей, то ли наступившей.

Шестеро, видимо, студентов – с непременной гитарой, правда, не расчехленной, реза-

лись в «дурака» на звенящем от пустоты содержания, но блестящем никелем застежек, черном и изрядно поцарапанном кейсе. Карты от долговременного употребления по краям были разлохмачены, лики королей, дам и валетов – вытерты добела, а цифры вообще не определялись, что, однако, ничуть не мешало азарту игроков.

Других пассажиров Анатолий разглядывать не стал, пытаясь сосредоточиться на вчерашнем дне, внезапно изменившем рутинное течение его бытия.

Маленький поселок тысяч на пять жителей, где он жил, был райцентром, который стоял на возвышенности, спускавшейся вниз к реке. Через реку был перекинут громоздкий, но узкий мост, несущий на своих опорах основную автомагистраль, разрезавшую поселок, наряду с речкой, крест-накрест. На нем были часты аварии, одна из которых однажды почти на сутки прекратила движение автомобилей в обе стороны. Машины шли в объезд, через броды, под громыхающий из водительских кабин пересоленный мат. От поселка до ближайшей железнодорожной станции было километров девять, которые приходилось преодолевать на попутном транспорте, затем ехать до областного центра, а уж потом на электричке в столицу. Колесный перестук постепенно убаюкал Анатолия, который умел в самом неудобном положении, в самом шумном месте, при необходимости – засыпать, высыпаясь за пять-семь минут.

Вот только сон его при этом сопровождался, как правило, цветными сновидениями, явственно отражавшими события далекого, или совсем недавнего прошлого. Так было и на этот раз.

Однажды зимой, несколько лет назад Анатолию пришлось добираться домой со станции поздно ночью. Воющий ветер наметал сугробы снега, дорога от станции до трассы была перекрыта полутораметровыми переносами, которые мог преодолеть разве что мощный трактор. Но попутного трактора не намечалось, домой хотелось, поэтому в сопровождении своры полудиких собак, скулящих, лающих и подвывающих, он двинулся из очерченного мигающим светом редких уличных фонарей привокзального пространства на встречу с колкими залпами сухого снега и темнотой. Относясь с пренебрежением к холоду, Анатолий был одет не по сезону легко: в старенький бежевый плащ, узконосые черные туфли, в руке была зажата «балетка» – маленький полуовальный чемоданчик из дерматина, натянутого на фанеру, прообраз нынешних «кейсов». Идти пришлось по щиколотку в тающем на ногах снеге, от чего в туфлях хлюпала студеная, обжигающая вода. Через снежные переносы приходилось кое-где переползать на животе. Вскоре и майка, и брюки, и легкий пиджак наполнились леденящим содержимым. Однако темп продвижения не давал замерзнуть. Добравшись до шоссе, Анатолий остановился в ожидании попутной машины. Так как головного убора на нем не было, то

влажные от пота волосы через некоторое время покрылись ледяной коркой, на которую сверху наметало крупинки снега. Мимо одна за другой проносились машины, возникавшие из матово-белой пустоты и туда же исчезавшие, обдавая желтым неясным светом и надеждой на чашку чая. Пройдя километра полтора в сторону дома, отчаявшись надеяться на автостоп, Анатолий машинально при очередной вспышке фар поднял руку… и машина стала притормаживать. Все еще сомневаясь, он остановился и увидел очертания старой «Ниссы».

– Залезайте, вам далеко?

– Да километра три осталось, никто не останавливается…

Сидевшие в микроавтобусе, кроме водителя, четыре человека, в десять глаз с любопытством уставились на Анатолия.

– «Если бы нас не было пятеро…» – сказал водитель – «…то и я ни за что не остановился бы. Представьте себе – в свете фар на пустой дороге из серой мути, из метели, вдруг показывается фигура мужика с чемоданчиком в руке, одетого по-осеннему, да еще с сиянием над головой! Это только сейчас мы поняли, что ледяная корка на мокрых волосах отражала свет в виде нимба. А то всякое могло почудиться…»

В компании и беседе время побежало быстрее, Анатолий согрелся и даже был рад встрече с незнакомцами, посочувствовавшими ему, напоившими крепким полусладким с лимонным запахом чаем из термоса, да еще и

доставившими его прямо до теплого дома. Пожелав им счастливого пути, он готов был снова пройти тот же путь. Только дом был уже совсем близко.

Электричка притормозила, Анатолий оторвал голову, как потом оказалось, от плеча той самой девушки в мохеровой кофточке, которая то ли по-настоящему вздремнула, то ли умиротворенно ожидала продолжения знакомства. Глаза ее были прикрыты вздрагивающими веками, подведенными черным карандашом. Студенты, закончившие карточное сражение, углубились в лекционные тетрадки, двое из них посапывали, запрокинув головы на деревянные отполированные временем спинки скамеек.

Вновь припомнился вчерашний день, который начался с визита Виктора, брата непосредственного начальника Анатолия. Встретившись накануне на улице, они быстро договорились о сегодняшнем мальчишнике на троих с соответствующим «обмытием» этого события.

Путь к месту встречи пролегал мимо военкомата, в котором иногда приходилось бывать. Там верховодил райвоенком Крикунов – с гладко выбритым удлиненным лицом, высокого роста, мосластыми руками, с выпученными добрыми глазами, в потертом от времени мундире с тремя рядами орденских колодок. Он привычно распространял вокруг себя ауру «ароматов» из смеси доброго вчерашнего (и позавчерашнего) перегара, свежего наслоения ежеутреннего стакана вина, неизменного одеколона типа

«Шипр», и едкого табачного духа. У входа в старое покосившееся деревянное здание военкомата стоял многое повидавший за свою автомобильную жизнь ГАЗ-69, носивший привычное почетное звание – «козла». Его брезентовый, исхлестанный ветрами верх и забрызганный извечной российской грязью низ – вполне соответствовали боевому предназначению машины, исколесившей все окрестные дороги. Более накатанной была дорога на близлежащую железнодорожную станцию, где в буфете командовала приятная душе и телу военкома особа по имени Марго, с выдающимся бюстом, хриплым голосом, и умением хорошо накормить и напоить не одного защитника отечества. Анатолий перекинулся с майором дежурными фразами о делах и заботах, но, заметив изрядное дрожание его рук, вытаскивающих очередную папиросу, – попрощался, направившись в сторону единственного в поселке «ресторана».

Маленький ресторанчик в полуподвальном помещении напоминал более забегаловку, каковой он, по сути, и являлся. Меню было обычным для того времени. Водка (одного сорта – «Столичная» или «Московская»); селедка не первой свежести, судя по желтизне брюшка и резкому запаху, но посыпанная луковыми кружевами; антрекот, смахивавший на отклеившуюся в грязную погоду подошву ботинка; салат из квашеной капусты с луком и постным маслом; сборная солянка, представлявшая собой старый переваренный костный бульон с

обрезками колбасы и волокнами мяса, с кусками желтоватого сала и пятнами какого-то жира, между которыми плавали две одинокие маслины. На второе подавались неизменные котлеты, состоящие, казалось, из одного провернутого хлеба, хотя в меню, бывало, значилось – котлеты мясные. Гарниром служило сладковатое картофельное пюре, залитое серо-белым соусом. Посетителей не было. Только зеленые блестящие мухи угрожающих размеров, как птеродактили, взмывали над головой с неприятным жужжащим звуком, ударяясь всей массой о стены, выкрашенные непонятного цвета краской.

Брат Виктора – Герман задерживался на работе. Анатолий с Виктором сделали заказ на троих. Через полчаса на столе уже стояли три стопки с как бы надкусанными краями, прозрачность которых, видимо от старости, давно была утеряна, и бутылка «Московской» с зеленой наклейкой.

– «Давай, по единой!», сказал Виктор.

– Давай, а то водка в пузыре закипит!

Выпили, зажевав кусочками тонко нарезанного хлеба с жидкой желтой и кислой горчицей, посыпанной кристаллами соли. Для ощущения полного счастья в желудке не хватало, пожалуй, лишь белого, крупитчатого смальца, нутряного сала, присутствие которого на ломте черного хлеба казалось необходимым. Не успев сказать об этом Виктору, Анатолий повернулся к хлопнувшей входной избитой по низу

грязными сапогами и ботинками двери. В проеме возникла долгожданная фигура Германа, воздевшего в приветствии руку.

Герман был небольшого роста, весь какой-то круглый, улыбчивый, быстрый в движениях. Он когда-то служил офицером в танковой части в Казахстане, в районе Целинограда. Часто вспоминал, как ребята на танках ездили километров за сто в ближайший магазин, набирали ящиками водку и везли ее к месту потребления. Но хватало не надолго.

По характеру он был экспериментатором. Однажды на спор взялся доказать, что на наполненном бензином баке можно вести сварочные работы. Но чего-то не рассчитал, или попался воздушный пузырь, только бак во время сварки рвануло, огонь охватил Германа целиком, сгорела вся одежда, кроме офицерских галифе, от которых остались лишь пояс и гульфик. Спасла его открытая емкость с водой, кажется, вагонетка, куда он мгновенно успел нырнуть. Ожоги были массивными, рубцы остались на всю жизнь, но сама жизнь в то время чуть было не покинула хозяина.

Страстный любитель автомобилей, он знал о них почти все и постоянно возился в гараже – или переделывая довоенный «Харлей», или перебирая мотор старенького «Москвича». Эта марка признавалась им как единственно надежная и экономически выгодная. К тому же другие машины были малодоступны. Как у Жванецкого: «Других машин не видел – «Запо-

рожец» – вот такой!» Но в руках Германа даже «Москвич» приобретал какие-то необыкновенные качества из-за постоянного совершенствования то движка, то ходовой, то амортизаторов. Он знал взаимозаменяемость деталей, казалось, всех имеющихся в мире марок. Анатолий припомнил, как однажды они остановились на «хрущевской» трассе по дороге на Нежин и Герман своим советом выручил ехавшего на довоенном «Хорьхе» автолюбителя, возившегося с огромным «родным» мотором находящегося в отличном состоянии раритета. Здоровущие цилиндры вошли в конфликт с такими же поршнями и отказали километрах в тридцати от ближайшей деревни. Часа через два машина забухтела и, как ни в чем не бывало, рванулась в сторону Украины. А им с Германом пришлось минут через десять остановиться из-за пойманного гвоздя в недавно поставленной «запаске» и голосовать до тех пор, пока какой-то водила уступил по сходной цене свою запаску. Добравшись до Нежина, они остановились на ночлег, и позволили себе выпить грамм по сто водки в корчме у дороги, закусив перекисшими солеными огурцами и хрустящей квашеной капустой.

Лет до двадцати трех Анатолий водку не пил. Правда, два или три раза по случаю выпивал, но запах спирта и откровенно горький вкус ему не нравились, а опьянение не доставляло удовольствия. Год назад, устраиваясь на работу, по дороге из областного центра к месту на-

значения он ехал на попутной машине с Германом. В дорогу они запаслись батоном докторской колбасы, которую можно было купить только в областном центре, или в Москве, городскими булочками, баночкой свежей горчицы, кусочком копченой грудинки, тоже считавшейся деликатесом, бутылкой редкостной «Столичной». И, когда Анатолий рассказал о своем отрицательном отношении к алкоголю, Герман широко улыбнулся и сказал: «Спорим на ящик водки, что через год мы с тобой не одну бутылку на троих разопьем!» Потом об этом споре забылось. Но к водке пришлось привыкать, как к непременному посреднику, уравнивающему всех сидящих за столом. Оправданием было бытующее до сих пор выражение: «Кто не пьет – тот или больной, или подлюка!»

С туго набитой бумагами папкой подмышкой, в неизменных синих галифе, в короткой полувоенной куртке и скрипящих хромовых сапогах, Герман устремился к столу, тут же предложив индифферентный, но кстати тост: «Со свиданьицем!», согласно которому были опрокинуты очередные стопки, и тут же, хитро поглядывая на Анатолия, произнес: «А сейчас Анатолию предстоит поставить ящик водки за проигранный спор. Год назад он клялся, что не будет пить ее, родимую!» Делать было нечего. Пришлось взять в долг проигранный ящик и поставить его рядом со столом, после чего Виктор, до тех пор угрюмо молчавший, начал с нарастающей улыбкой и заблестевшими глазами

рассказывать об аналогичном споре, выигранном им у приехавшего в Москву откуда-то из Воркуты художника.

Сам Виктор был известным скульптором, учившемся у самого Манизера, автора темно-бронзовых, истертых до блеска в местах наиболее частого прикосновения пассажиров, скульптурных групп на станции метро «Площадь Революции». На одном из райкомов партии в Москве долгое время висел барельеф работы Виктора, который был членом Союза художников, представлял свои творения на многочисленных выставках, в том числе и персональных, имел огромную мастерскую в центре столицы. В мастерской, наряду с чрезвычайно интересными работами, можно было лицезреть огромные головы Ленина, или устремленные в неясность, знакомые по тысячам площадей, фигуры вождя, заказы на которые довольно щедро оплачивались. Остаток гонорара, после расплаты с рабочими-каменотесами или литейщиками, обычно пропивался в шумной компании товарищей по цеху. Богемная жизнь кипела с многочисленных студиях и мастерских. Натурщицы, просто любительницы прикоснуться к знаменитостям, а то и обычные девочки с панели, – проводили буйные вечера и ночи прямо среди заготовок скульптур, полотен с подмалевками будущих картин, на скрипящих диванах, тахтах, закусывая непременными шпротами водку, коньяк, или портвейн «777», бутылки с которыми тес-

нились на этюдниках. В дальнейшем судьба уготовила Виктору повторные эпизоды белой горячки, безуспешное лечение, деградацию и смерть в подступившей безвестности.

Но сейчас он был еще полон энергии, шутил, сыпал анекдотами и легко опрокидывал стопку за стопкой. Присутствие непочатого ящика водки рядом со столом, казалось, придавало ему вдохновения не в меньшей степени, чем соответствующая творчеству муза.

Вновь выстрелила входная дверь. На пороге возник крупный мужчина, с круглым потным лицом, перечерченным шрамами, с мотоциклетным шлемом в руке, в потертой кожанке, весь какой-то взъерошенный и неуклюжий. Выдохнув из себя добрую порцию спиртовых паров, перебивших кислый кухонный запах, он по-детски обиженным голосом произнес, нетвердо выговаривая слова:

– Во, б…, где вы оказывается сидите…

Создалось впечатление, что он упрекает сидящих за столом в несоблюдении какой-то договоренности. Но таковой, конечно, не было. Просто, крепко выпившему местному зубному врачу, только недавно, после очередной аварии на мотоцикле, отлежавшему в больнице с переломами тазовых костей почти полгода, стало обидно, что без него кто-то, где-то собрался выпить.

– Садись, Максимыч! – пригласил его к столу Герман.

– Спасибо, я только что принял… хотя, наливай, почему бы и не выпить на халяву с друзьями? Давай по полной!

Анатолий наполнил стоявший на столе стакан, предназначенный для компота.

– Вот это по-нашему! – загоготал Максимыч и громко икнул, после чего, несмотря на рвотные движения, выдохнул: «Ну, давайте махнем!».

Судорожными движениями глотки и пищевода он старательно проталкивал внутрь не лезущую туда водку. Наконец, стакан опустел. Максимыч мутными глазами посмотрел вокруг, еще раз икнул, и в одно мгновение, поднеся ко рту мотоциклетный шлем, наполнил его содержимым желудка.

– Я щас, ребята! – он выскочил за дверь, но минут через пять вернулся и, как ни в чем не бывало, сказал, ухмыляясь: «Вот теперь наливай! Лучше больше, чем меньше…».

К удивлению собравшихся, второй стакан был выпит, сопровожден закуской, и только спустя полчаса неугомонный «зубник» отправился восвояси, надумав отдохнуть. Раздался треск мотоцикла, из открытой двери в нос ударил запах несгоревшего топлива и кислой блевотины, а Максимыч как внезапно появился, так же мгновенно и исчез.

Дружеский обед закончился часа через два, и все его участники не очень твердой походкой начали движение по направлению к своим местам постоянного обитания. Виктор

вечерней электричкой возвращался в Москву, где на следующий день должно было состояться чествование одного из его друзей-художников, получившего государственную премию за свои работы. Намечалось соответствующее моменту торжество, в котором Виктор предложил участвовать и Анатолию. Тот не отказался, хотя утро следующего дня у него было занято делами, но обеденная электричка как раз поспевала к назначенному времени. Было интересно попасть в круг известных, знаменитых на весь Советский Союз, личностей.

Последующая остановка электрички, разбудившая Анатолия, была конечной. Все пассажиры столпились перед закрытыми дверями, на которых было написано белыми буквами: «Не прислоняться!». Кто-то стер первые три буквы и получилось: «Не слоняться!». Отметив повторяемость такого искажения в различных электричках, вспомнив о категориях случайности и закономерности из забываемого уже философского багажа студенческих знаний, он, вместе с рвущимися на выход соседями по вагону, стал составной частью вдруг забурлившего людского потока, толкающегося локтями и плечами, вытесняющего впередистоящих, расплескавшегося по пыли пахнущего креозотом перрона.

Пройдя шагов двадцать, Анатолий увидел торопящегося навстречу и уже заметившего его Виктора. Оказывается, на привокзальной площади уже минут тридцать стояла ожидавшая их

«Волга», в которой предстояло ехать дальше. Поприветствовав сидящих в машине, Анатолий, к своему удивлению, узнал в двух из них своих «одновагонников». Это были девушка в полу–расстегнутой блузке и «разночинец» в джинсовом костюме. Странным было то, что, когда Виктор их знакомил между собой, они сделали вид, что не заметили друг–друга во время почти четырехчасовой поездки. Анатолий также не стал высказывать своего отношения к этому факту, тем более, что полпути он дремал на плече как бы спящей соседки.

«Разночинец» назвался Олегом, журналистом из какой-то местной газеты, но уже издавшим две своих книги детективов, поработавшим год на Кубе, ставшим в свои тридцать лет членом Союза писателей. Исполненный гордости, он показал пахнущий свежей краской членский билет, как бы удостоверяя свое членство. Впрочем, для него самого, видимо это было приятно и значимо в большей степени, чем для остальных участников поездки.

Девушка представилась Ольгой, только что защитившей диплом экономиста, но работавшей на каком-то «ящике» руководителем народного театра. Она как-то потускнела, из глаз исчезла настороженность, только мелкая дрожь кончиков пальцев и влажные ладони, в сочетании с появляющимися на открытой части груди красными пятнами, выдавали ее внутреннее напряжение.

Третий пассажир был лет сорока, но седобородым, с тщательно ухоженными длинными волосами, падающими на плечи, бледным, мелового оттенка лицом, в черном костюме-тройке и галстуке-бабочке белого цвета. Он назвался Аристархом, коллегой Виктора – модным художником, приближенным к партийной иерархии, для которой в основном и писал свои произведения, за которые удостоился каких-то почетных званий (то ли Заслуженного, то ли Народного художника СССР). Сидя рядом с водителем, он не оглядывался на случайных попутчиков, мало говорил, был погружен в свои мысли.

Общего разговора как-то не получалось. Стемнело. Сидящий за рулем, коротко постриженный, одетый в коричневую потертую кожанку, водитель также помалкивал, искоса поглядывая в зеркало заднего вида на черноволосую девушку в мохеровой кофте.

Дача, на которой должно было состояться мероприятие, располагалась в Подмосковье, где-то в районе Малаховки. Постояв несколько минут на переезде, машина начала петлять по дачным дорогам. Анатолий не представлял даже, где они находятся. Остроконечные ели, высоченные сосны – черными силуэтами на сером, чернеющем фоне скучного сентябрьского неба, напоминали старинные замки, подсознательно вызывая ощущение непонятной тревоги, ожидание чего-то неожиданного.

Вдруг, из сумеречной густоты леса показались желтые огни двух-трех рядов окон на абсолютной черноте громады какого-то строения. В пору, когда высота строящихся домов, даже на выделенных загородных участках, тщательно контролировалась, и допускалось возведение не выше четырех разрешенных метров построек от земли до конька крыши, трехэтажное сооружение казалось небоскребом, что свидетельствовало об особенном отношении властей к хозяевам такой дачи.

Из дверей вышли встречающие. Хозяйка – дама средних лет, блондинка с закрученной в неистовой спирали прической, в темно-вишневом панбархатном платье с глубоким, до поясницы, вырезом на спине, обилием золотых цепочек на шее, с ослепляющим светом камней в массивных серьгах при их покачивании во время движений головы («видимо, бриллианты…» – подумал Анатолий).

– «Нина Фоминична» – представилась она.

Хозяин – небольшого роста, грузный, плешивый, с красным лицом и крупным, мясистым носом, видимым даже при падающем из двери тусклом свете лампочки в прихожей, был похож на борца сумо в детстве. Одетый в блузу из какого-то тяжелого материала, похожего на вельвет, он суетливо, но с достоинством по очереди сунул в ладони вновь прибывших гостей свои горячие, похожие на только что вынутые из печи пышки, ладоши, и пригласил их войти в дом, представившись как Рамаз Шал-

вович. «Просто – Рамаз, без всяких отчеств» – добавил он.

Полутемные сени спокойно поглотили всех приехавших. За внутренней дверью располагалась громадная, в пятьдесят или шестьдесят квадратных метров комната. Стены ее были бревенчатыми, с торчащими клоками пакли, на стенах висели четыре массивных бронзовых канделябра, контрастировавшие с темными в трещинах времени бревнами стен, в них были вставлены толстенные свечи, создающие тусклое мигающее освещение комнаты. Посреди комнаты стояли массивные деревянные столы, окруженные такими же лавками. По всей длине стола возвышались пять подсвечников с толстыми, как и в канделябрах, свечами, не добавлявшими особого сияния в зал. На лавках сидели две-три пары, остальные гости – человек тридцать беседовали стоя. Одеты они были поразному: мужчины – от смокингов до кожаных жилетов, женщины – от вечерних платьев до джинсовых брючек с потертостями на выдающихся местах.

На широких, дубовых, не покрытых скатертью досках стола по-деревенски дружно, в каком-то художественном беспорядке теснились выпивка и закуски. По-другому назвать это не получалось. Мутный, изрядно отдающий спиртом и сивухой самогон (то ли свекольный, то ли пшеничный) был подан в трехлитровых бутылях-четвертях, закупоренных легкими затычками из основы кукурузных початков, остающихся

после рушения зерен. В глиняных горшках и глубоких тарелках, плошках, громоздились маринованные пупырчатые огурцы, помидоры с гладкой натянутой кожицей, под которой перекатывались пузыри газа, источая запах чеснока, тархуна, сельдерея. Белая квашеная капуста с оранжевыми морковными вкраплениями, видимо только что извлеченная из кадушки, добавляла укропный запах в букет домашних солений. Черный ноздреватый хлеб, нарезанный крупными ломтями, еще горячими на ощупь, требовал немедленного употребления. Тем более, что параллелепипеды сливочного масла как бы случайно соседствовали с полными хлебницами. На полуметровых блюдах покоились куски ароматной отварной говядины. В мисках – горками возвышалась красная, крупная, икринка к и икринке, размером с ноготь взрослого человека икра. Жареная в виде шашлыка осетрина гигантскими глыбами расположилась на черных, прямоугольных противнях. Прямо из чугунков коричневыми пятнами на боках заманивала томленая в печи, обильно промасленная картошка, посыпанная свежим укропчиком и грубого помола солью. Банки с огуречным, помидорным и капустным рассолом для запивки – завершали меню. Сервировка деревянными ложками, алюминиевыми ножами и вилками вполне соответствовала вектору направленности пиршества. Аккуратно нарезанные вафельные полотенца вместо салфеток придавали столу какой-то домашний колорит.

Понимая неординарность людей художественного типа, их стремление к эпатажу любыми способами, Анатолий воспринял происходящее как данность, тем более, что необходимо было употребить, по крайней мере, пару стопок водки, чтобы влиться в русло совместных бесед с окружающими. Правда, рюмок тоже не было. Рядом с глиняными тарелками перед каждым стояли стаканы: один – тонкостенный и один – граненый. Расстегнув верхнюю пуговицу сдавливающей шею рубашки, Анатолий поддержал первый тост, произнесенный бородатым спутником по поездке на машине, представлявшим Академию художеств. Самогонка оказалась крепкой и приятной на вкус, а уж закуска вполне способствовала повторным приемам отдающего запахом жженой соломы самогона. Виктор куда-то вышел. Обстановка все более упрощалась. Расстегивались пиджаки, снимались галстуки, ослаблялись брючные ремни. Посыпались тосты, с левого края стола послышался хохот (кто-то уже перешел к анекдотам). Общий гул уравнял всех. Капли пота от количества выпитого и съеденного начали посверкивать на раскрасневшихся лицах.

Вдруг виновник торжества встал во главе стола и сказал:

– Спасибо всем за то, что посетили мою скромную обитель, и никто до сих пор не осудил меня за оказанный шуточный прием…

В то же мгновение стена дома за спиной хозяина, завешанная какими-то веревками и

колесами от телег, раздвинулась, и комнату залили потоки света десятков хрустальных люстр. Эта раздвижная стена отделяла от бревенчатой комнаты раза в два больший зал, отделанный современными материалами, одну из стен которого занимали стеллажи с расположенными сзади зеркалами, на которых золотились этикетками сотни бутылок лучших французских, армянских, грузинских и всяческих коньяков… грузинских, молдавских, крымских, румынских и венгерских вин. Зеркальное отражение превращало их количество в тысячи. В углу зала возвышалась небольшая сценическая площадка, на которой похожие как близнецы балерины под нежно звучавшую музыку небольшого оркестра демонстрировали высокие прыжки, стремительные вращения, покоряя зрителей удивительной пластикой.

– Прошу всех к столу!

Довольный произведенным впечатлением хозяин засиял и лысиной, и баклажаном носа, и румяными, набухшими, как помидорины, щеками. Гости, отхлопав в ладоши, и прокричав: «Браво!», начали подтягивать распущенные брючные ремни, застегивать вороты рубашек, вытаскивать из карманов помятые галстуки. Через минуту, другую все переместились в сверкающий зал, к столу, накрытому по всем правилам высокого ресторанного искусства.

Кипенно-белые накрахмаленные скатерти и салфетки усиливали яркость освещения. Серебряные с позолотой ложки, вилки, ножи – из

старинной коллекции с вензелями и вкрапленными самоцветами на ручках, хрустальные фужеры на высоких ножках, бокалы (венецианского, подумалось почему-то Анатолию, стекла) соседствовали с антикварной фарфоровой посудой и множеством изящных соусников, масленок, каких-то подставок и емкостей непонятного назначения, но уже заполненных изысканной снедью. Тончайшая нарезка, не менее чем пяти сортов, отменно твердых темно-коричневых колбас, отличавшихся внешне только размером шпика на разрезе. Ароматные копченые балыки различных рыб, нежная грудинка, маслины, оливки, свежие огурцы и помидоры, мясные рулеты, бело-розовые крабы, сыры нескольких сортов – от слезящихся с крупными дырками до зелено-плесневых, либо покрытых белым пушистым налетом творений «забугорных» сыроделов; дунайская сельдь специального посола с тонким йодным запахом, черная с дымчатым отливом зернистая икра…Глаза разбегались от одного вида сервировки, недоступной в те времена никому, кроме особо избранных.

Анатолию на мгновение почудилась, будто это все происходит в нереальном мире, да и не с ним, однако, не надолго. Внезапно боковым зрением он увидел как его соседка по электричке Ольга, до того не попадавшаяся ему на глаза в бревенчатой полутемной комнате, подошла к хозяину торжества, и что-то прошептала ему на ухо. Так как еще не все уселись за стол, а хо-

зяйка пыталась определить место каждому из гостей, это могло бы и не стать объектом какого либо внимания. Но Анатолию показалось странным, что на ней уже не было хорошо запомнившейся ему пушистой фиолетовой кофты, которая не могла быть упрятана в маленькую косметичку, а переодеваться было просто негде, да и некогда.

Появился Виктор с молоденькой зеленоглазой блондинкой, одетой в расклешенные книзу, черные, обтягивающие несколько полноватые бедра, брючки из тонкого материала, через который на глаз легко определялась граница трусиков типа мини-бикини. Кофейного цвета помада на ее, казалось, постоянно влажных полуоткрытых губах призывно мерцала в ярком, многократно отраженном в зеркалах свете. Золотые цепочки с нанизанными на них побрякушками делали несколько витков вокруг открытой шеи, особо выделяясь на черной гипюровой кофточке, украшенной блестками.

«Познакомься, это Инна!» – сказал Виктор, хитро ухмыляясь. Анатолий, далекий от особенностей московской жизни, все-таки понял, что эта девушка не взялась ниоткуда. Догадка его подтвердилась, когда Виктор спросил у него: «Что? Понравилась? Можем заказать и лучше. А, хочешь, бери эту…». Но Анатолий в то время даже представить себе не мог, что с женщинами можно обращаться как с товаром покупаемым на заказ. Это теперь девушки по вызову спокойно рекламируют себя в каждой

большой иль малой газетке. Трудно было поверить, что в Москве того времени открыто процветает древний и доходный бизнес, невзирая на принятый «Моральный кодекс» строителей коммунизма. Поскольку разговор шел открытым текстом в присутствии Инны, Анатолий покраснел, и, чтобы не выглядеть совершенным идиотом и провинциалом, пробормотал что-то насчет того, что Инна ему, конечно, нравится, но, к сожалению, сам он часа через полтора должен будет уехать. Виктор все понял и переключился на разговор с Инной, нашептывая ей на ухо и не забывая прикасаться своими губами к ее изящной шее.

Звучали тосты, начали подавать горячее: стерляжью уху, запеченный бараний бок, копченых молочных поросят и поросят, фаршированных гречневой кашей – под слезно–вышибающий хрен и самодельную горчицу. Ароматные расстегаи…, огромных размеров манты, приготовленные на пару – в сметане…, узбекский, пахнущий зирой плов…, жареные немецкие колбаски. В общем, за обильным покупечески столом царило смешение всех вкусов и кулинарий. Анатолий, участвуя активно в поглощении непривычной вкуснотищи, ограничил прием заграничного зелья, и вновь решил проследить за действиями своей спутницы по электричке.

Однако ее он не увидел ни сидящей за столом, ни в проеме двери, за которым открывались какие-то помещения, ни на лестнице,

ведущей вверх. «Может в туалет прошла… Кстати, где он может находиться? Спрашивать, вроде, неудобно. Придется терпеть, как всегда…».

Вдруг послышался резкий хлопок. «Как громко хлопает пробка от шампанского!» – подумал Анатолий, но в то же мгновение раздался чавкающий звук и нечеловеческой звучности женский крик. Кричала хозяйка дома. Ее темно-вишневое платье на глазах напитывалось чем-то черным. Это была кровь, стекавшая пульсирующими струями с шеи хозяина, только что так радушно приветствовавшего гостей. «Сонная артерия!» – мелькнуло в голове, и Анатолий бросился к торцу стола, где уже оседала на пол грузная фигура толстяка, удерживаемая только вцепившимися в него, побелевшими от усилия руками жены. Попытка прижать артерию была обречена на неудачу, потому что в зияющей и пенящейся ране пульсировали оба сосуда.

Похожую картину он видел только однажды, когда из окна второго этажа районной больницы выпрыгнул психически больной человек и, схватив с земли саблеобразный осколок стекла, одним резким движением перехватил себе горло. Проходивший мимо Анатолий рванулся на помощь, обеими руками поочередно пытался давлением остановить кровотечение, положив пострадавшего на себя. Так вдвоем их и погрузили на носилки подоспевшие медсестры и санитарки, и даже успели поднять

на второй этаж в операционную. Однако усилия были тщетными. Практически вся кровь выхлестала из сосудов еще по дороге.

Перемазавшись в начавшей густеть крови, Анатолий убедился в бесперспективности дальнейших попыток реанимации. Красная лужа залила полкомнаты. Гости толпились за спиной в ожидании чуда. Но с каждой минутой вероятность чуда стремилась к нолю. Ощущение беспомощности и вины нахлынуло неожиданно… «Что еще нужно делать? Чем помочь и кому помочь? Ах, да… хозяйка в глубоком обмороке…Впрочем, нет…, она в сознании, выжидающе смотрит на тебя сквозь слезы…». Анатолий на секунду удивился ее внутреннему спокойствию, сказал: «Это все, он мертв…» и закрыл начинающие холодеть веки мертвеца. Руки женщины дрогнули, выпустив из захвата вельветовую куртку мужа.

Виктор протиснулся поближе и спросил: «Что будем делать?» Анатолий пожал плечами: «Надо звонить в органы! Не нам же в этом разбираться. Телефон есть?» Телефон в доме был в одной из комнат видневшихся через дверной проем. Войдя в него, Анатолий обернулся, почувствовав на затылке чей-то взгляд. Это была соседка по вагону неведомо как вновь появившаяся в зале. Внешне она выглядела спокойной, в углах раскосых глаз поблескивали слезы, на ней вновь была одета фиолетовая кофта. Отметив это, посмотрел в сторону «разночинца» ранее сидевшего в середине стола. Там его

не было. «Куда они исчезают? То та, то этот…» Телефоны (московский и местный) стояли на вычурном столике под двухметровым зеркалом в бронзовой оправе. Набрав «02», сообщив о происшествии, Анатолий огляделся. На стенах висели старого письма картины, изображавшие прелести далекой европейской жизни в прошлые века, в позолоченных потускневших рамах. Две двери вели в другие комнаты, третья – в зал, где все случилось и куда не хотелось возвращаться. Вошел Виктор со своей блондинкой, теперь потускневшей и уже более похожей на саму себя: деревенскую девчушку, попавшую в историю. Кажется, даже помада потускнела на ее ставших сухими губах. Виктор был озабочен:

– Ты извини, втянул я тебя в это дело…ни отдыха, ни разговора…

– Да, ладно! Только не пойму как собрать в кучу все, что произошло.

– Пусть менты и разбираются. Теперь до утра не отпустят. Вопросы, запросы. Но ничего не поделаешь. Никто этого не ожидал. Я – меньше всего!

В комнату входили и выходили поодиночке растерянные гости. Тоже искали телефон, чтобы предупредить своих домашних о вынужденной задержке. Стало тесновато. Анатолий вышел в зал. «Разночинец» уже сидел на своем месте, что-то набрасывая в блокноте.

– Олег, ты куда девался?

– Да на минутку выходил покурить. А что?

– Да так, просто не заметил, когда ты уходил из-за стола…

– Сразу после выстрела, а то там и так много народа столпилось.

– А почему ты решил, что был выстрел?

– Элементарно, Ватсон! Не из хлопушки же ему прострелили глотку. Был хлопок, кровищи навалом… Я все-таки специалист по детективам. Приходилось с ментами выезжать на задания. И не раз!

– А я вот никак не пойму, откуда палили. Все на виду, светло. Вон – балеринки… не при деле, маются. Они бы могли увидеть…

– Будь спок! Да, если бы и заметили, – не сказали бы! Это не их работа. Здесь за молчание хорошо платят!

– А ты откуда знаешь?

– Да так, приходилось бывать здесь. Ты что? Думаешь, Виктор об «этих» не знает? Ха! Он с хозяином мог на корячках сюда возвращаться с «бодуна». Только здесь не принято говорить о том, что тебя не касается...

«Разночинец» замолчал, увидев, что Виктор с подружкой, выпив по стакану шампанского, приближаются к ним.

– О чем вы тут? – спросил Виктор напряженно.

– Да вот спрашивал у Олега, куда он выходил после выстрела.

В это время Анатолий почувствовал на своей руке осторожное прикосновение. Черная

челка соседки по вагону вскинулась вверх, глаза у нее уже были сухими.

– Вы не против выпить со мной ?

– Конечно, нет! Давайте махнем по маленькой по примеру моего друга!

Понимая, что это предложение было не случайным, Анатолий отошел с Ольгой к дальнему краю стола. Медленно потягивая из сияющего хрустального фужера шампанское, она, почти не шевеля губами, тихо проговорила:

– Прошу вас не оборачиваться! Я видела, как вы пытались помочь Рамазу Шалвовичу, и верю вам. Я точно знаю, кто стрелял в него, я видела...

– Ну и кто это?

– Это Олег, с которым мы вместе ехали.

– Как вы думаете, зачем ему это?

– Вы здесь случайный человек, я – то же. Меня пригласил сам Рамаз Шалвович. Он както выступал в нашем институте, показывал свои картины. Так мы познакомились. Потом встречались… в общем, мы были с ним близки...

– Ну а какое отношение ко всему этому может иметь Олег?

– А никакое! Я его вижу в первый раз, как и вы, но стрелял он! Видите, там раздвижная дверь в ту комнату, где мы были вначале, а сбоку узкая дверца… Она сейчас закрыта. Именно оттуда он стрелял! Там темно от кадки с фикусом. Но только он выходил из-за стола до начала стрельбы и спутать его с кем-то другим – невозможно! А вынул он пистолет с ка-

ким-то набалдашником, глушителем, наверное, из своей кожаной сумочки. Кстати, у него ее сейчас нет!

Действительно, кроме авторучки и блокнота с исписанными мелко страницами, в руках у Олега ничего не было. Придерживая Ольгу за локоть, Анатолий подошел поближе к спокойно пишущему в своем блокноте «разночинцу».

– Слушай, Олег, где твоя кожаная сумка? Хочу себе или такую, или похожую, прикупить… , дай посмотреть, что в ней можно разместить!

– Да, я ее в машине оставил, когда выходил покурить. Будем уезжать – посмотришь! Ничего особенного. Правда, кожи такой у нас не достать, барсетка – с Кубы.

Анатолий не заметил никакого напряжения и беспокойства в поведении Олега.

– А что там, за маленькой дверцей у той стены?

– Ну, вот как раз, если хочешь покурить, то через нее попадешь в коридор прямо на улицу, не заходя в бревенчатый зал. Там же есть и туалеты «эм и жо». Прогуляйся!

– «Ой, проводите меня туда, Анатолий! А то мне страшно одной!» – прошептала Ольга.

Зайдя за здоровущую кадку, из которой торчал мохнатый ствол, свидетельствующий о том, что растущее в нем дерево, конечно, не фикус, как поначалу обозвала его Ольга, они попали в затененную зону. Огромные густые листья создавали эффект джунглей и прикрывали заветную дверцу. В то же время весь стол

был отлично виден, как и сидевшие вокруг него люди. Позиция для стрельбы, действительно была удачной. Проведя соседку до двери с фигурой дамы, Анатолий быстро заскочил в комнату для джентльменов, и с удовольствием произвел действие «минус попить», стараясь успеть встретить Ольгу. Но той еще не было.

Коридорчик терял свои размеры из-за плохого освещения. Горела лишь одна лампочка из нескольких, скрытых за синим плафоном. Нажав на выключатель, Анатолий убедился, что все они работают, давая яркий свет. «Значит, кто-то специально выключил остальные светильники! Впрочем, это как раз ничего и не значит. Отключить лампы могли случайно, могли в целях экономии, а, может и для создания интимной обстановки, что, правда, мало вероятно!»

Из-за двери женской комнаты послышался негромкий хлопок, затем звук падающего тела. «Неужели опять?!» Анатолий плечом распахнул дверь, сломав слабенькую защелку. Рядом с умывальником лежала Ольга, держа в одной руке расстегнутую, пустую кожаную барсетку, в другой – губную помаду. Фиолетовой кофты на ней не было. В области виска круглилась коричневая отметина пулевого отверстия. Глаза были открыты удивленно и вопросительно из-за широких неподвижных зрачков. Пульс на сосудах шеи не прощупывался.

«Зачем вы это сделали?» – услышал Анатолий возмущенный голос Олега, незаметно появившегося в коридоре.

– Да, не я это! Как видишь, у меня и стрелять то не из чего. Я только что вышиб дверь, когда услышал выстрел. А все остальное ты видишь точно так же, как и я…

– Но здесь кроме тебя никого нет, а выбросить оружие, или спрятать его можно очень быстро…

– Ладно, Шерлок Холмс! Сейчас здесь еще один труп и два убийцы.

– Ты это о чем?

– А ты знаешь, что она видела тебя, когда ты стрелял в этого Рамаза? Да и сюда мы пошли, чтобы проверить, как это ты все умудрился сделать… Кстати, барсетка у покойницы в руке – твоя, я про нее только что у тебя спрашивал, потому что оружие, по словам Ольги, ты достал из нее…

– Погоди, погоди! Я что-то не понимаю. Ты – стоишь у трупа с моей барсеткой… я – только что вошел… и я – убийца Рамаза, а ее то кто шлепнул? Ты?

– То, что не я – это точно! Кстати, сомнительно, что и ты убивец! Очен–но похоже, что мы оба без вины виноватые, но это будет практически невозможно доказать ментам, которые вот-вот приедут. Что будем делать? Ты, правда, знаешь об этом доме больше, чем я. Так что, колись! Алиби нет ни у тебя, ни у меня. На-

до быстро самим разобраться, пока никто еще сюда не появился…

И тут Анатолий почувствовал, что кто-то находится у него за спиной. Резко обернувшись, он наткнулся на весомый, изучающий и исполненный ненависти взгляд хозяйки дома, Нины Фоминичны. Рядом с ней стояли несколько человек из числа гостей, среди которых выделялся бледностью Аристарх. Рядом с ним прислонился к косяку дверцы человек, которого трудно было не узнать. Пушистые усы, кремового цвета водолазка, синий костюм в полоску, хитроватые глаза с прищуром. Не хватало только портфеля и журнала «СПИД-инфо». «Еще один из электрички!» – удивился Анатолий. Тем более, что и Олег начал нервничать, глядя на невесть откуда взявшегося попутчика. Худые пальцы его рук дрогнули, глаза метнулись по сторонам в поисках помощи или сочувствия, стекла очков затуманились, он подвинулся поближе к Анатолию.

– Что здесь происходит? – спросила хозяйка дома напористо, как бы зная, что уже произошло на самом деле.

Дверь в туалетную комнату была открыта, но увидеть лежащую на полу Ольгу всей толпившейся компании было нельзя, потому что она упала у зеркала, рядом с умывальником, находившемся вне поля зрения за пластиковой ширмой. Надеясь на достаточную разумность Олега, Анатолий сказал:

– Случилось еще одно ЧП! Мы с моей знакомой Ольгой и Олегом вышли подышать свежим воздухом, разошлись по туалетным комнатам, потом услышали такой же, как и недавно, хлопок выстрела. Выбили дверь и увидели, что Ольга лежит с пулей в черепе. Никого больше не видели, хотели идти к вам, чтобы сообщить об этом...

Анатолий посторонился, пропуская желающих убедиться в случившейся трагедии, потом наклонился, и прикрыл веки убитой. «Дважды за вечер! Не много ли?..» – мелькнула мысль.

По выражению лица, а, скорее всего, внутренним чувством, Анатолий понял, что Нина Фоминична ему не верит. Но та только покачала головой, бросила на лежащую Ольгу недобрый взгляд, и вышла в зал. «Видимо, она все знала об истинных взаимоотношениях между двумя теперь уже покойниками. Не очень-то поверила, что это моя знакомая » – решил Анатолий.

Кроличьи усы протиснулись поближе к двери. Вкрадчивым, тихим голосом, но настоятельно, он спросил:

– Эта девушка действительно ваша знакомая?

– Да, мы с ней приехали в одной машине. Это может подтвердить и Аристарх, и Виктор, который пригласил меня на этот вечер. Он где-то в зале со своей подругой.

Кроличьи усы зашевелились, стали топорщиться, голос приобрел барабанно-металлический оттенок:

– Моя фамилия Быков, зовут Александр Евгеньевич, я – сотрудник КГБ!

Его рука скользнула в нагрудный карман, выдернув на свет краснокожее удостоверение всемогущего когда-то Комитета, и так же молниеносно спрятала «корочки» от посторонних глаз. Довольный произведенным впечатлением, он продолжил:

– Прошу всех оставаться на местах. Беседовать буду с каждым отдельно. Звонить по телефону пока запрещаю!

Анатолию показалось, что продемонстрированный «кагэбэшником» напор был рассчитан только на перехват инициативы и недопущение проведения самостоятельных расследований по горячим следам участниками былого торжества. Он чувствовал, что в этой истории есть какая-то, пока недоступная ему, но объясняющая суть всех событий, тайна, часть которой успела поведать Ольга. Поискал глазами Виктора, но ни его, ни подружки в зале не было. Тело Рамаза Шалвовича располагалось в месте его падения, и уже было заботливо прикрыто большим ручной работы ковром.

К столу в бревенчатом зале, куда переместилось большинство присутствующих через полуоткрытую перегородку, постоянно подходили потерянные гости, наливали в емкости спиртное, стараясь взбодриться, так же спешно заку-

сывали тем, что стояло на столе. Это казалось необходимым для борьбы с навалившимся на всех внезапно стрессом, хотя выглядело не очень корректно по отношению к присутствующему в соседнем помещении покойнику. Но свечи давали тусклый свет, выражения лиц видны не были, некоторые, даже в темноте, выглядели излишне перегруженными напитками, другие просто сидели в полудреме на крепких лавках. Запах перегара, самогона, разнообразных закусок и солений, смешивались между собой в каком-то тяжелом винегрете, которым приходилось дышать. Кислые запахи пота, как у Ильфа и Петрова, «воздух тоже не озонировали». Официанты ни в одном из залов не показывались, найдя себе приют в прилегающих к кухне помещениях. Там же разместились худенькие близнецы – балерины, похожие на подростков мальчишек после того, как сняли балетную экипировку и влезли в обычную одежду.

В самом темном углу, где были набросаны овчинные тулупы и медвежья шкура, Анатолий наконец-то обнаружил Виктора, который сидел, запрокинув голову, укутанный в тулуп. Внезапно тулуп зашевелился, из-под него высунулась знакомая ножка в расклешенных брюках, потом рука в черном гипюре. «Что это Инна делает у него между ног?» Анатолия бросило в жар. Об этом он только слышал от друзей, предпочитая традиционные способы общения с дамами. «Как же это?… в окружении людей, при мерт-

веце? … Впрочем, действительно, никому ничего не видно, стресс, она делает профилактику… будем теперь это так называть». Виктор открыл глаза, достал сигарету, закурил и, увидев Анатолия, подмигнул ему:

– Не хочешь местами поменяться?

– Да пошел ты! У нас неприятности!

– Не у нас, а у вас, как говорит Никулин!

– Да нет, у нас! Ты знаешь, что Ольгу только что застрелили? Кстати, первый, кто на подозрении – это я!

Даже в темноте лицо Виктора стало похоже на меловую физиономию Аристарха. Шевеление Инны под тулупом прекратилось. Она вылезла на свет, испуганная, без следов помады на губах, и уставилась на Анатолия набухавшими слезной влагой глазами. Виктор, дернув рукой, защелкнув молнию на брюках, и вскочил на ноги.

– Как это? Где Олег? Где Аристарх?

– Здесь объявился представитель органов, козел пушистый, сейчас, видимо, будет разборка. Ментов все еще нет, но это-то и к лучшему! Обстоятельства не в нашу пользу...

Анатолий в деталях рассказал Виктору обо всех известных ему фактах. Правда, о замеченной им реакции Нины Фоминичны на происходящее, он упоминать не стал. Самому не все было ясно. В ее глазах улавливалось нечто, отличавшееся от ожидаемого отражения случившегося.

Сама Нина Фоминична, несмотря на скорбное выражение лица, вела себя уверенно, не рыдая, не допуская истерических нот. Она была сосредоточенной, погруженной в беду только в необходимой мере, сохраняла некоторую степень участия в судьбе гостей, ставших свидетелями (или участниками!) печального торжества. По крайней мере, раза три она обходила все помещения, приглядываясь к обстановке, перебрасываясь ничего не значащими фразами с некоторыми, в большей степени ей знакомыми людьми. На ней уже было надето черное, закрытое, бархатное платье, к прическе на шпильке прикреплена черная же вуаль, драгоценности отсутствовали. Как и все блондинки, она сразу постарела, избыток черного цвета сделал резкими морщины, выявил отечность век, дряблость кожи.

Для беседы (или допроса?) пушистый «кагэбэшник» выбрал комнату на втором этаже, рядом со спальней хозяйки. Это был кабинет, обставленный в соответствии с изысканным вкусом хозяев. Темные, полированные шкафы с книгами занимали в нем все стены до потолка. Кожаный, черный диван, по размерам и качеству исполнения очень похожий на фамильный диван Толстых, хранящийся в Ясной Поляне. Тяжеленный старинный стол красного дерева, украшенный резьбой в виде статуэток, поддерживающих его четыре угла. Темно-зеленое сукно, натянутое на столешницу, размерами не уступающую бильярдному столу, бронзовые

часы в виде бьющего копытом о круглый циферблат Пегаса. Малахитовый письменный прибор с перьевой ручкой, чернильницей, пресс-папье, инкрустированный золотом. Антикварная настольная лампа с неизменным зеленым абажуром занимала левую половину стола. На углу примостился памятный по электричке коричнево-желтый портфель, из которого, видимо, был извлечен маленький диктофон, придвинутый к краю стола. Орехового дерева пианино с канделябрами для свечей на передней стенке и старинным метрономом – несколько диссонировало с кабинетной обстановкой.

Все это мгновенным взором оценил Анатолий, приглашенный в качестве основного свидетеля последних событий. Он решил быть конкретным и не высказывать собственную точку зрения, поскольку не успел получить от Олега необходимую для самостоятельной гипотезы информацию. Обратив внимание на диктофон, тут же решил использовать его. Но как? Подходя к столу, сделал вид, что поскользнулся на паркете и, падая, зацепил портфель, с грохотом шлепнувшийся о пол. Когда «кагэбэшник» ринулся поднимать его, Анатолий ухватился за край стола и нажал на кнопку записи.

Усевшись в кресло, «кроликоусый» бросил участливый, но испытующий взгляд прямо на самое глазное дно Анатолия, но ничего там, кроме ответного участия и желания выяснить истину, не обнаружил. Это его обнадежило. Он встал, подошел к пианино, взял метроном и

поставил его на стол рядом с письменным прибором. Качнул маятник. Тук–тук, тук–тук… Мерный стук успокаивал, блеск никелированного шарика невольно привлекал внимание, а спокойный, но настойчивый голос человека «из органов» затягивал куда-то в нереальный мир сновидений.

Без больших усилий Анатолий понял, что идет не просто беседа, а попытка погрузить его в гипнотический сон, подчинить его волю, вынудить к совершению необходимых кому-то действий.

Много лет назад, студентом ему пришлось участвовать в представлении возможностей гипноза неким эстрадным гипнотизером, учеником легендарного Вольфа Мессинга, и он тогда, прямо на сцене, убедился, что можно не только подчиняться, но и подчинять. Обычный номер угадывания спрятанного предмета чуть было не провалился. Когда новоявленный факир, завязавший на глазах светонепроницаемую повязку, попросил Анатолия спрятать ключи в любом месте на сцене, тот положил их открыто на стоящую рядом тумбочку. Когда же гипнотизер взял его за руку и попросил думать о том, куда он положил ключи, то Анатолий представил их лежащими на рояле. Именно туда и пошел через всю сцену ученик Мессинга. «Ага, удалось-таки обмануть шамана» – подумал Анатолий. Но это его бахвальство тут же было уловлено, и вспотевший от возможного провала факир прошептал: «Зачем вы меня обманываете? Ду-

майте, куда на самом деле спрятали ключи». Таким образом, и номер удался, и появилась уверенность в собственных силах.

Анатолий решил рискнуть: сделать вид, что он впал в состояние транса, и попытаться выяснить чего от него хотят, а может и найти виновников происшедшего. Он закрыл глаза, стараясь не слушать капающий и обволакивающий голос бывшего спутника и периодически напрягая мышцы голеней, сосредоточился на анализе известных ему фактов.

«Олег говорил правду частично. Если он и не убивал Рамаза, то несомненна его связь с хозяевами этого дома, с этим кроликоусым Александром, появление которого вызвало потение очковых стекол… неясна роль барсетки, до сих пор зажатой в кулаке Ольги, как и отношений самой покойной с «разночинцем». Теперь – Виктор! Он, по словам Олега, еще более тесно был связан с семьей Рамаза Шалвовича, пользуясь определенным доверием, и может обладать крайне важной и нужной информацией. С Ниной Фоминичной более ясно. Оскорбленная изменой жена, знающая о проказах мужа, и неоднозначно относящаяся к гибели соперницы. Но вряд ли с ее подачи кара настигает почти одновременно мужа и его любовницу в присутствии стольких людей, в том числе и посторонних. Получалось, что должен быть кто-то еще, наносящий удар по семье и одновременно «подставляющий» людей непосвященных. Без знания взаимоотношений между членами этого

необычного сообщества разрешение поставленных обстоятельствами вопросов представлялось невыполнимым».

К такому, не очень приятному для себя выводу, пришел Анатолий, постепенно начиная вслушиваться в речь «кроликоусого», которая постепенно понижалась в тональности. Услышав знакомую по предшествующему опыту повелительную установку: «Вы спите! Вы слушаете меня! Отвечайте на вопросы!», Анатолий настроился отвечать. Контролировать обстановку с закрытыми глазами было невозможно, но обостренное ощущение опасности подсказало, что ему готовится какой-то сюрприз. Он почувствовал специфический запах медицинского кабинета. «Хлороформ, или эфир?» – мелькнула догадка. Мгновенно пришло решение сделать два–три глубоких очищающих вдоха и задержать дыхание. Анатолий был неплохим ныряльщиком и на спор мог свободно не дышать до двух с половиной минут. Озарение пришло кстати. Марлевый тампон с силой был прижат к его носу и рту. «Не доверяет, сволочь! Подстраховывается...» Примерно через минуту, в течение которой Анатолий имитировал движениями грудной клетки глубокое дыхание, тампон был убран. Переждав еще некоторое время, удалось выдохнуть почти весь газ из легких и заполнить их доброй порцией свежего воздуха. Послышался женский шепот:

– Ну что? Уснул? Не переборщили?

– Все в порядке, он и так ничего не слышит, а легкий наркоз не помешает. Мало ли что?

– Пистолет я принесла…

– Давай сюда!

Анатолий почувствовал, как ему в руку вложили оружие, прижали пальцы к рукоятке и еще несколько раз по ходу холодного ствола. «Отпечатки делают?!… Теперь, если будет следствие, выкрутиться будет практически невозможно... Но кто же эта женщина? Никак не разобрать голоса…». То ли непроизвольное желание приоткрыть веки, то ли нарушение ритмичности дыхания, привлекли внимание «пушистого», только он неожиданно резко заткнул тампоном с хлороформом нос и Анатолий, вдохнув его от неожиданности до отказа, провалился в неясность.

Пробуждение наступило так же неожиданно. В комнате никого не было. Диктофон лежал на месте, рядом с портфелем. Движения были замедленными, тошнило, но удалось протянуть руку и вынуть из диктофона пленку, запихнуть ее во внутренний карман пиджака, приоткрыть портфель. Из глубины показался знакомый, фиолетовый рукав кофты. Скрипнула открывающаяся дверь.

Быков, войдя в кабинет, увидел спокойно спящего Анатолия. Все вещи были расположены на своих местах, только из-под крышки портфеля выглядывал уголок фиолетового мохера. Запихнув его глубже внутрь, «кагэбэш-

ник» достал из кармана внушительных размеров трубку, раскрошил в нее несколько сигарет, вынул зажигалку, раскурил трубку, и включил диктофон, намереваясь начать допрос.

Анатолий вновь услышал скрип дверных петель. Тот же неузнаваемый голос прошептал:

– Ты куда ходил? Я обыскалась. Надо торопиться. Этот козел дозвонился в милицию. Только что оттуда позвонили, что задерживаются из-за сломанной машины, но уже скоро будут,… Ты все успел сделать?

– Еще нет, да ничего и не нужно… достаточно отпечатков. Пальчики на пушке и никаких вопросов. А выходил я переговорить с Олегом. Он слишком много знал… и, кажется, догадался обо всем.

– Так ты его? … А как все потом объяснишь?

– А никак! В руках у него будут вот эти часы со стола с отпечатками тех же, что и на пистолете, пальчиков…

Послышался скрежет тяжелых часов по сукну стола.

– Олег лежит рядом в соседней комнате, дверь закрыта, бери часы и ударь ими по голове недоделанного «писарчука» в то место, где я шарахнул его рукояткой… возьми часы вот этим полотенцем, чтобы следов не осталось. Потом вложим их в клешню маньяка, который пока дрыхнет перед нами и не знает ничего. Но еще раньше ты должна этими же часами при-

ложить меня до крови,… будто он напал, ударил, а я, обороняясь, пристукнул убийцу…

– Не могу! Лучше ты сам!

– Я потащу этого типа туда, где будешь ты, он вот-вот проснется, будет труднее. Давай, по–быстрому!…

Послышался звук поцелуя. Анатолий решился и приоткрыл глаза. Он ожидал увидеть черный бархат платья Нины Фоминичны. Но, сквозь сетку ресниц его взору открылись тоже черные, плотно сидящие на ягодицах расклешенные брючки Инны. «Ни фига себе!» Анатолий от неожиданности чуть не вскочил со стула. «Когда она все успевает? Только что с Виктором… сейчас – здесь! Она в этой перипетии,… с какого бока?» Видимо, глаза его раскрылись достаточно широко, потому что встретились с сузившимися зрачками «кроликоусого».

– Проснулся, падла?…

– Почему вы мне грубите? И где это я?…

Анатолий изобразил на лице удивление и решил сделать вид, что действительно только проснулся. Инна метнулась вон из комнаты, не забыв прихватить врученные ей часы.

– Извините! Мы с этой девушкой близки, а вы внезапно потеряли сознание во время нашей беседы. Убийцу я вычислил, нашел и орудие убийства. Вот на столе – пистолет. Не трогайте его, там отпечатки. Это сделала жена хозяина, она же убила Олега, с которым вы приехали.

Анатолий понял, что с ним тоже собираются продолжить игру, в которой он сам был весьма заинтересован. «Надо бы потянуть время! Вот-вот подоспеет милиция…» – подумал он.

– Ладно! Но обидно, что эта девчонка только что занималась любовью с моим приятелем Виктором, а сама готовилась отдаться карающим органам.

– Это как понять?

– А вот так и понять! Своими глазами видел, что она вытворяла при всех под шкурами медведя…

Анатолий решил раздразнить «кроликоусого», чтобы извлечь из этого возможную пользу. У того злобно сверкнули глаза, он весь напрягся, но, видимо, передумав, сказал:

– Да шут с ней! Помоги мне задержать жену Рамаза, пока она не исчезла в закоулках этого идиотского дома. Я слышал, что она в соседней комнате с кем-то разговаривает по телефону.

– А я причем?

– Мне нужны свидетели задержания.

– Хорошо, пошли, только, насколько мне известно, нужны два свидетеля…

– Верно, но туда я направил Инну, она и будет вторым…

Анатолий подумал про себя: «Скорее пятым… трупом, после меня, если не смогу опередить этого «законника». В его голове гулко застучало, в ритме с участившимися сердцебиениями. Он не знал, как поступить. Опере-

дить – значит вступить в конфликт с «конторой», которая может все. Но и отдавать себя на растерзание «опера», может и выполняющего какое-то совсем непонятное задание, не собирался.

Вдруг он почувствовал мощную хватку чьих-то рук, охвативших его сзади и остановивших поступательное движение. Тут же мимо проскользнули две незнакомых фигуры, скрутившие руки идущему впереди «кагэбэшнику». Присмотревшись, Анатолий узнал в них студентов, ехавших с ним на электричке и всю дорогу проигравших в карты.

«Кроликоусый» громко выругался, увидев за спинами еще трех подоспевших «студентов» грозное лицо Нины Фоминичны с пустыми, поблекшими глазами.

«Студенты» оказались сотрудниками уголовного розыска, которые не один год выслеживали известного рецидивиста с хорошими манерами, на «мокром» счету которого была не одна загубленная душа. С ним постоянно «работала» та или иная молодая девица, через которую притекала исходная информация для очередного «дела».

Всех попросили выйти на улицу. Подъехавшие криминалисты начали свою будничную работу. Инны среди гостей не было, найти ее в доме не удалось, а потемки не дали возможности малыми силами обеспечить ее поиск. Виктор после происшедшего был встревожен, сторонился Анатолия и беспрерывно прихлебывал

водку из бутылки, прихваченной им со стола. Аристарх был бледнее обычного, постоянно вдыхая с ногтя большого пальца какой-то белый порошок.

Анатолий постепенно синтезировал гипотезу сложившейся ситуации, обобщив имевшиеся у него, и только что услышанные, со слов разговаривающих между собой оперативников, факты.

«Будучи, как и большинство представителей искусства, многолюбом, Реваз Шалвович влюбился в Ольгу, которая была взбалмошной, но искренней девчонкой. Начинающий писатель Олег в то же время завоевал сердце и тело Нины Фоминичны, которая от него и узнала о романе своего мужа с Ольгой. Естественное желание отомстить у нее никогда не доходило до степени ненависти, способствующей физическому устранению конкурентки. С подачи Инны, регулярно посещавшей «мальчишники» в доме Рамаза Шалвовича в отсутствие Нины Фоминичны, Олег познакомился с «кроликоусым», не зная о нем ничего, в том числе и о мотивах их знакомства. А тот уже год как изучал жизнь семьи Рамаза, надеясь разжиться солидным капиталом преуспевающего грузина. Знакомство с Олегом давало возможность однажды проникнуть в закрытый для незнакомцев дом художника. И вот этот момент настал. Олег рассказал, что приглашен на товарищеский ужин по поводу вручения Рамазу премии. Имевший на руках целый набор удостоверений и паспор-

тов «Александр Евгеньевич» решил на этот раз играть роль «кагэбэшника», зная подобострастное отношение, а то и животный страх перед этой организацией у любого гражданина страны Советов. Он знал о валютных сделках Олега на Кубе и попытался привлечь его к задуманному в виде соисполнителя. Изрядно напугав того своей осведомленностью в сочетании с удостоверением всемогущего ведомства, представил будущее преступление как проводимую операцию против «агентов империализма».

Ольга действительно ничего не знала об отношениях Нины Фоминичны и Олега, да и не была с ним знакома. Фиолетовую кофту она вначале оставила в одной из боковых комнатушек, где накоротке встречалась с Рамазом. Из-за спешки забыла ее на диване, а дверь Рамаз захлопнул. Ему она и прошептала об этом на ухо, чтобы получить ключ от места свидания. Возвращаясь, уже в кофте, она действительно видела, как Олег стреляет в Рамаза, но открыто проявить свои чувства боялась.

Барсетку с пистолетом Олег действительно вынес и положил в одну из своих сумок в машину. Следивший за ним «кроликоусый» вытащил ее из сумки, переложил в свой портфель, и направился через боковой ход, надеясь подложить ее вместе с пистолетом Олегу, шантажируя его, как убийцу, и используя для получения уплывающего из рук богатства. А, увидев в полумраке идущего к туалетам Анатолия с Ольгой, изменил план. В женском туалете была

сделана потайная дверь, одна из многих, как оказалось, в этом доме, о чем хорошо знала Инна. Через нее можно было проникнуть в дамскую комнату.

Ольга постояла у зеркала, подводя помадой губы, а перед заходом в кабинку сняла кофту, положив ее на край умывальника. Когда «кроликоусый» открыл потайную дверь и вынул пистолет из барсетки, чтобы завернуть его в кофту, рассчитывая вместо одного заиметь двух шантажируемых, Ольга неслышно открыла дверцу кабинки, увидела его манипуляции и схватилась за барсетку. Тому ничего не оставалось делать, как выстрелить ей в висок, и, не успев протереть пистолет от следов пальцев, запихнуть его вместе с кофтой в портфель, исчезнув в боковом проходе, чтобы потом появиться за спиной Нины Фоминичны, не причастной к убийствам, но внутренне удовлетворенной смертью соперницы.»

Гипотеза самому Анатолию понравилась. Оставались невыясненными несколько обстоятельств. Что побудило Олега стрелять в хозяина дома? О фатальной любви к хозяйке речи быть не могло, слишком прагматичным и расчетливым представлялся Олег в своих поступках. Как рассчитывал «кагэбэшник» получить деньги или драгоценности хозяев дома, да и хотел ли он сам смерти Рамаза Шалвовича? Что будет делать Нина Фоминична, узнав о смерти Олега и его роли во всей интриге? Какова истинная роль Виктора в жизни исчезнув-

шей семьи? Что обнаружат криминалисты при детальном исследовании? Как исчезла и где сейчас Инна?

Пока ответов не было. Анатолий сразу же после ареста «кроликоусого» вместе с остальными гостями минут двадцать простоял во дворе, откуда их забрал в себя автобус, старый милицейский «ПАЗ». Остальные автомашины и личные вещи были оставлены для досмотра, а участники неудавшегося торжества ехали для дачи показаний на Петровку 38. Да и думать о деталях происшедшего не хотелось. Хотя вызывало удивление и нарушение правил досмотра личных вещей, и отсутствие понятых, и то, что никто из оперативников не предъявил никому своих документов.

Анатолий зевнул и решил поспать оставшееся от ночи время. Потемки потихоньку уступали место серой бледности неба. Наступало мудреное время суток.

Год за годом все то же:
Обезьяна толпу потешает
В маске обезьяны.

(Из хокку Басё, XVII век)

Часть II. Петр Петрович

Анатолий бродил по рынку в поисках любимого им горького стручкового перца. Центральный рынок всегда был полон людьми – выбирающими, покупающими, глазеющими и просто шатающимися. Поскольку в России доступ к продуктам питания всегда был окружен ореолом блата, больших денег и всяческих вокруг этого разборок, самой уважаемой фигурой на рынке были мясники. Проходя мимо мясного павильона, Анатолий тут же добрым словом помянул своего знакомого рубщика мяса Афанасия, который был весьма симпатичным в обыденной жизни человеком. Хлебосольным, гостеприимным и веселым. Его загородный дом охраняли два гигантских размера «афганца». Собаки были лютыми и опасными для гостей, которые, тем не менее, охотно и не по одиночке посещали Афанасия. Было ему лет около пятидесяти пяти, крепко сбитое тело и мощные руки, привыкшие держать топор, свидетельствовали о здоровом духе этого человека, добившегося своим трудом многого. Доказательством неуемности характера и непрестанного поиска своего места в жизни была его женитьба на двадцатидвухлетней девушке, как-то посетив-

шей с подругой надежный уголок такого непонятного мира. А здесь было тепло, пахло мужским, трудовым потом и радостью в смеси с ободряющей улыбкой. И ничего не могло воспрепятствовать такому решению: ни грянувший развод, ни укоры взрослого тридцатилетнего сына, ни шепоток соседок и знакомых. Как бы доказательством правоты его решения стало рождение и воспитание дочки, ставшей маяком для необходимого уже долголетия. Афанасий принимал гостей искренне, хлопоча вокруг них, однако, всегда высказывая собственное мнение по любому вопросу, подшучивая над теми, кто этого заслуживал, независимо от регалий и званий. На открытом огне около бани в здоровущем казане обычно булькала ароматная шурпа, шипели и вспыхивали желтоватым пламенем бордово-черные угли от капающего с шашлыка жира. А в это время в натопленной от души бане томились краснокожие гости, в предбаннике лилась прохладная вода, а в гостевой комнате перед камином на столе живописно были разложены домашние соленья, хрустящая капуста, душистые ломти хлеба…

К Афанасию, работавшему в павильоне шагах в десяти от входа, Анатолий никогда не заходил, считая, что пользоваться знакомством в личных целях не очень удобно. Он медленно шел между рядами столов с выставленной и регулярно сбрызгиваемой водой для придания «свежести» зеленью – петрушкой, укропом, киндзой, соседствующей с пирамидами бурых,

алых и темно-красных помидор разных сортов, размеров и формы. Шершавились пупырышками покрытые пушком, только что сорванные с грядок темно-зеленые огурцы, лимонился желтизной и кровавился болгарский перец, заманивая покупателей своими размерами и сочностью. Кое-где скромно выглядывали светло-коричневыми шляпками грибы, расположенные в небольших, по пять-шесть штук кучках. Солнце прижаривало после утреннего проливного дождя. Было душно и спокойно.

Петр Петрович Орлов возник перед Анатолием, как белый лайнер среди замызганных джонок какого-нибудь китайского порта.

Это был человек ростом под метр девяносто, сутулый, с длинными руками, широкими, узловатыми в суставах кистями, наполненные вены которых просвечивали синевой сквозь начинавшую увядать и становиться похожей на пергамент кожу. Светлые брюки и белая, как январский снег, отглаженная рубашка в голубую клеточку с короткими рукавами выдавали его склонность к щегольству. Дрожание пальцев было заметным, но оно уменьшалось при таких привычных движениях, как обхват стакана или стопки с янтарного цвета самогонкой. Зелье производилось лично Орловым из сахара, пропускалось через угольный и серебряный фильтры, настаивалось на перегородках грецких орехов, пользовалось неизменной популярностью в кругу друзей, знакомых, и просто примкнувших к ним любителям выпить. А тако-

вых находилось достаточно при регулярных субботних посещениях стадиона, до, во время и после матча, созерцание которого уже не очень-то и волновало участвующих в дегустации.

Волнистые, седые до голубизны волосы обращали на себя внимание остаточной густотой, несмотря на семидесятипятилетний возраст хозяина, и ненавязчивой, естественной гармонией с синевой его глаз, уже несколько поблекших. Былая сила чувствовалась во всех движениях Петра Петровича, однако, при ходьбе периодически возникало пошатывание, ноги как бы не слушались, становясь «чужими», некогда мощное тело покачивалось, но непременно находило равновесие. И тогда походка его становилась излишне напряженной, ускоренной, устремленной вперед.

Анатолий знавал его еще в те поры, когда сам был молодым, тридцатилетним, настырным, полным несбыточных замыслов, физически уверенным в себе, каждое утро поднимавшим раз по пятьдесят привычный двухпудовик. О Петре Петровиче в те годы ходили легенды. Он возглавлял магазин автомобильных запчастей, страшно дефицитных, которых нельзя было купить ни за какие деньги. Тогда еще иномарки в областном центре можно было пересчитать по пальцам, а дефицитом было все – от колбасы до туалетной бумаги. Но природная сметка, жизненный опыт и коммуникабельность обеспечили Орлову славу крупного дельца. По

тем временам в этом слове сосуществовали два начала: позитивное – умение делать дело, и негативное – всех умеющих что-то делать считали жуликами. Сейчас его работа была бы мало заметной, вполне укладывающейся в понятие малого бизнеса. Но дни ушедшие славились наличием того самого, прославленного Райкиным «дюфсита», когда умение достать этот дефицит по блату было достоянием немногих. У Петра Петровича были неплохие связи в Москве с тогдашними распорядителями несметных хранилищ для избранных партийных и советских деятелей. Икра красная и зернистая черная, загорелые балыки, дунайская сельдь специального посола, копчености всех видов – все это благополучно перекочевывало из неоскудевающих спецраспределителей в закрома особо приближенных. Один из приятелей Анатолия так и называл подвал своего дома: закрома Родины. Штабеля консервов (шпрот, сайры в собственном соку, тушенки говяжьей и свиной, сгущенного молока и сливок, ветчины в банках и всяческой другой всячины), банок с соленьями, бочек с сельдью и треской, ящиков водки, коньяка, вин – могли обеспечить автономное и достаточно веселое проживание в течение не одного года. К тому же две или три литровых банки с закатанными в них бриллиантами давал хозяину приятное ощущение непотопляемости при любом правительстве и при всякой смене вех. «Там – всё!» – любил приговаривать Петр Петрович.

Анатолий встретился с ним после многолетнего перерыва в знакомстве. Этот перерыв был связан с вынужденным пребыванием Орлова в местах, где шконка является желанным местом отдыха. Тогдашний первый секретарь обкома почему-то не возлюбил самостоятельного и состоятельного директора магазина. Но поскольку тому доверяли в облисполкоме, в том числе заместитель председателя Николай Иванович, мудрый и по-современному мыслящий человек с обритой наголо головой, ему было поручено строительство кемпинга с рестораном недалеко от областного центра. Петр Петрович вложил все свои силы и средства в пуск этого, по тогдашним меркам – высоко комфортабельного комплекса. Приехавший на открытие первый секретарь обкома чрезвычайно высоко оценил сделанное, начал было рекомендовать представителям прессы широко осветить этот факт, как вдруг спросил:

– А кто это чудо сотворил?

– «Да вот – Петр Петрович Орлов…», представил виновника Николай Иванович.

Брови «первого» нахмурились, а, спустя некоторое время абсолютной ватной тишины, слова брани из его уст разорвали начинавший уплотняться воздух, что и решило дальнейшую судьбу несостоявшегося героя дня.

– Под суд этого жулика! Почему он еще у вас работает?

В итоге – шесть лет изоляции от начинавшего «перестраиваться» общества. Но твер-

дость духа и старая закалка, а также верность старых друзей, приятелей, да и собутыльников (каковыми все они преимущественно и были), позволили ему оставаться в привычном круге общения.

Добиваться абсолютного успеха в покорении женщин любого возраста Петр Петрович умел профессионально. Завещанную дедом заповедь: «Никогда не кури!» – соблюдал неуклонно. А вот выпить мог чрезвычайно много, почти не пьянея, быстро восстанавливаясь, угощая друзей и знакомых, особенно женского пола, которые по какому-то сверхъестественному чутью определяли в нем «непокобелимого» самца. С молодых лет он занимался физическими упражнениями, совершенствуя свое от природы атлетическое тело. Еще в те годы, когда о нетрадиционных способах оздоровления организма не было принято говорить громко, он овладел точечным китайским массажем, и каждое утро начинал с активации биологически активных точек, твердо веря в эффективность и необходимость этого занятия. Гантели и эспандер были важным реквизитом, сопровождавшим его по жизни. Природное здоровье, таким образом, из года в год укреплялось, несмотря на неминуемые стрессы и постоянные алкогольные перегрузки.

Был случай, когда Петр Петрович с двумя друзьями, тоже не хилого телосложения, за один вечер выпил ящик дефицитного тогда рижского бальзама, разводя им водку, погло-

щенное количество которой сейчас даже невозможно представить.

Характерным было то, что употребление сверхнормативных (а какие для русского человека нормы во всех делах существуют?!) порций алкоголя практически не влияло на водительские способности Орлова. Его личная мощная «Волга» ГАЗ-21 с летящим оленем на капоте служила своими различными частями – то столом, то постелью, то площадкой для дружеских встреч. В ее багажнике всегда имелся «джентльменский набор» из энного количества бутылок коньяка, водки, ликера (имевших индивидуальное целевое предназначение в зависимости от привычек, пола и места сотрапезников в тогдашней иерархии), тщательно завернутой нарезки холодных закусок, баночки глазастой икры, масла и хлеба, ну и, конечно, предметов сервировки.

За рулем Петр Петрович был осторожен, в аварии никогда не попадал, хотя любил высокие скорости. Может, особое везение, может недостаточное количество машин в те поры, только известная всему городу «Волга» рассекала воздушное пространство по всей области, не тревожа гаишников, зачастую составлявших хмельную компанию хлебосольному водителю. Только однажды, да и то в трезвом состоянии, Орлов немного помял крыло своей «ласточки», когда умышленно направил ее на таран легковушки Алика, молодого, восточно-кавказской наружности человека, мастера спорта по по-

жарно-прикладным видам, который умудрился прижать к столешнице руку Орлова, считавшего себя непобедимым в этом древнем способе выяснения мускульной силы. Кое-кто, однако, считал, что в этом противостоянии была замешена какая-то женщина, или просто конкуренция за монопольное обладание, как теперь говорят, эксклюзивными правами на покорение женских тел в провинциальном, обветшалом городе.

Правда, после этого случая при посещении субботней сауны Петр Петрович вновь испытал жесткость стола, на котором он, после обычных выпитых одной-двух бутылок, затеял соревнование на руках с Анатолием. Но, в отличие от ранее случившегося, большая компания распаренных и разгоряченных приятелей была приглашена в гараж Орлова. На пороге чуть больше обычного гаража красовались все виды выпускавшихся тогда водок: была среди них «Кубанская», «Сибирская», «Посольская». Ну и конечно, «Русская», «Столичная», «Стрелецкая», и прочая, и прочая, и прочая... Продолжением утреннего «легкого пара» явилась борьба с Анатолием, когда-то занимавшимся самбо, прямо в гараже. Соперники умудрились не покалечить друг друга, но висевшие на стенах колеса, запчасти, инструменты были разбросаны и растоптаны. Будто крылья ветряной мельницы снесли их со своих мест, а стадо слонов средней комплекции проутюжило все сметен-

ное. Потом был выпито почти все оставшееся питье, съедена закуска.

Анатолий вышел раньше других, но, поняв, что в таком виде ему до дома вряд ли удастся добрести, решил немного отдохнуть. Он зашел в заросли полутораметровой крапивы за гаражом, убедился, что из окон близлежащих домов его не видно, свернулся калачиком и утонул в причудливых снах. Проснувшись, обнаружил, что уже темнеет, отряхнулся, вышел к закрытым на незапертый замок воротам гаража, увидел, что коллеги по отдыху разошлись, и, как по палубе плывущего в шторм корабля, двинулся к трамвайной остановке, пожалев, что не приобрел себе компаса. Однако, путь к причалу оказался спокойным, домашние встретили его сочувственно, привычно выслушав очередную историю из похождений главы семейства.

Эти моменты из прошлого за несколько секунд восстановились в самых запыленных местах извилин того самого мозга, который каждый тщится обнаружить у себя. Анатолий сравнивал эту ситуацию с поиском клада. Ищешь «пиастры», а находишь ржавые гвозди, а то и обрывок старой калоши из давно прошедшего…

Дружески обнявшись, Анатолий и Петр Петрович решили отметить встречу в маленьком кафе, расположенном на бойком месте неподалеку от рынка. Хозяин кафе, Гиви, средних лет грузин с веселыми глазами был коренаст, быстр в движениях, радушен и всегда мог с друзьями позволить себе выпить не одну бу-

тылку, закусывая анекдотами и непринужденной беседой. Однако для посетителей готовились весьма вкусные хачапури, которые представляли собой золотисто-желтые пироги с сыром (покупаемым на рынке привозным сулугуни), запах душистого воздушного теста которых привлекал прохожих, проезжающих и специально приезжающих гурманов. Особым образом изготавливались там также хинкали и люля-кебаб. Но верхом кулинарного искусства была фасоль, ароматная, пахнущая киндзой, луком, в меру сдобренная растительным маслом (то ли оливковым, то ли каким другим), в меру проваренная. Фасоль и хачапури были без сомнения визитной карточкой этого кафе. Для постоянных посетителей всегда были свободные места в уютном уголке. Столик на шесть персон, выделенный для этой цели, зачастую превращался в общий для двух-трех соседних столиков, которые сдвигались между собой и объединяли самых разных людей.

Так было и на этот раз. После взаимных приветствий, Гиви усадил Анатолия и Петра Петровича за гостевой стол. Тут же молчаливой и исполнительной официанткой Таней были поданы тарелки с помидорами и огурцами, обилием зелени, с ароматным сулугуни, мясной нарезкой, две кружки ледяного пива (в качестве аперитива). Традиционная бутылка «Беленькой», томатный сок в кувшинах, «Нарзан» в стеклянных бутылках, поставляемый непосред-

ственно из Грузии, торопили двух старых знакомых начать застолье.

И – началось! Тосты не успевали за опрокидывающимися стопками. Закуска быстро исчезала со стола. Но вот торжественно, излучая улыбку и сверкая черными глазами, появился Гиви, за которым Татьяна несла блюдо с хачапури.

– Давайте кушать, пока горячее, приятного аппетита!

– «Присядь с нами, Гиви!», сказал Анатолий.

– Хорошо, но только выпью одну стопку, что-то давление стало барахлить...

Прекрасно понимая, что за одной стопкой последует и вторая, и третья, Анатолий не стал привычно уговаривать хозяина, давая ему самому возможность определиться с количеством выпитого, да и оберегая его от излишества. Ведь друзей, как истинных, так и временных, псевдодрузей, у таких людей, как Гиви, бывает много. Всем отказать не всегда удается, а за день общее количество выпитого иногда может превысить все мыслимые и немыслимые цифры. Для жены Ларисы такое потребление алкоголя представлялось опасным. Но все ее попытки утихомирить общительного кавказца были тщетны. Гостеприимство Гиви, его искреннее хлебосольство и общительность, неминуемо обращались против его же здоровья, но были сильнее здравого смысла.

На этот раз после первой же выпитой стопки Гиви извинился и исчез, погрузившись в решение бесчисленных каждодневных проблем по снабжению, ремонту, воспитанию сына. Опыт и чутье подсказали ему, что его гостям необходимо побеседовать наедине.

И, действительно, несмотря на постоянное обновление напитков, запивок и закусок, последовала долгая, многочасовая исповедь соскучившегося по общению Петра Петровича. Иногда такая возможность высказаться является просто необходимой. И пусть от собеседника не будет получено в ответ ни единого совета, пусть даже и отношение у него к исповеди будет не однозначным, но полученное от этого облегчение станет очистительным, позволит, как бы заново начать свое движение по жизненным ухабам.

Оказалось, что в истекшие после отбывания срока два года Петр Петрович на себе прочувствовал трагикомичность бытия стареющего дон Жуана. После смерти жены он почувствовал себя холостяком, для которого открыты новые горизонты, казалось, угасающей жизни. В соседнем доме жила женщина, годов эдак в сорок, склонная к полноте блондинка, с темно-зелеными глазами, без мужа, имевшая дочь лет восемнадцати.

Случайно встретившись с ней на улице, по пути в магазин, Петр Петрович почувствовал неоднократно испытанное в молодости ощущение охотника перед встречей с дичью.

Он припомнил своего приятеля, который называл всех женщин «зверьками», считая своей обязанностью охотиться на них. Желание рождает условия для их осуществления! Идущая женщина поскользнулась, и было, упала, но Петр Петрович все еще могучей рукой поддержал ее. Распахнувшаяся шубка приоткрыла глубокий вырез ажурной черной кофточки, из которого выглядывали половинки округлых грудей, от которых соскучившийся по теплу и ласке Орлов долго не мог оторвать глаз. Так они познакомились.

Соседка назвалась Региной и как-то сразу, доверившись внимательно слушающему Орлову, поведала ему вкратце отдельные моменты из своего прошлого. Когда-то выскочив замуж за летчика дальней авиации, она не захотела стать для него запасным аэродромом и рассталась с ним без скандалов и упреков, сохранив товарищеские взаимоотношения и умеренную финансовую поддержку. Сама она работала в строительной конторе, зарабатывала не очень много, но была обеспечена, так как мама проработала всю жизнь в системе торговли, и поддерживала с этой могущественной системой сложившиеся связи. В течение получаса они прогуливались по свежевыпавшему хрустящему снегу, пока не простились, договорившись созвониться.

Уже через неделю, в знак признательности за оказанную ей помощь, Регина пригласила Петра Петровича к себе на пирог и ча-

шечку кофе. Не остались без употребления и прихваченная им по привычке бутылка марочного армянского коньяка, и баночка зернистой икры, и пара тонкокожих лимонов, и коробка фирменных конфет, и плитка шоколада. Продолжение встречи было естественным. Утром, с ощущением успешно выполненного долга, Орлов провожал свою новую знакомую на работу, бережно поддерживая ее под руку, выпрямив спину и выпятив грудь вперед, будто вернувшись лет на тридцать назад. Встречи их были не частыми, зависели от присутствия в доме дочки, иногда, после занятий в институте, остававшейся ночевать у бабушки.

В свою берлогу Петр Петрович приглашать женщин не хотел. Аскетическая обстановка: старые венские стулья, скрипучий с антресолями шифоньер, промятая и потертая диван-кровать. Облезлый буфет в крохотной кухне хранил в себе гнутые алюминиевые вилки и ложки, граненые (правда, чисто вымытые) стаканы, чайник с отколотым носиком и исторически древним темно-коричневым чайным налетом. Все это в однокомнатной квартире дома старой постройки (с деревянными перекрытиями и штукатуркой, толстыми многолетними слоями налепленной на набитую крест накрест дранку) – не соответствовали тому образу старого ловеласа, который с годами успешно сопровождал Орлова. Правда, один хороший костюм, пара почти новых рубашек, галстуки,

носки, носовые платки – висели на плечиках или были аккуратно разложены на тумбочке. Былой достаток с течением времени иссяк, старые запасы подходили к концу, с новыми людьми дел делать не хотелось, было опасным, да и подходящих предложений не поступало. Один из предпринимателей как-то предложил ему возглавить вновь созданную фирму в качестве «зиц-председателя Функа». Проработав год, подписав кучу бумаг на десятки тысяч долларов, он получил мизерное рублевое вознаграждение, а при попытке получить хоть какую-то сумму денег из-за крайней необходимости, получил в ответ угрозы расправы и оскорбительные слова, на которые нельзя было найти достойного ответа.

Появление в холостяцком бытие женщины на какое-то время вернуло Петру Петровичу молодецкую удаль. Однажды, после дружеской попойки, когда встретились старые собутыльники и почти всю ночь вспоминали похождения дней минувших, где-то около пяти часов утра, он возвращался домой. Внутренний голос безошибочно подсказал ему зайти к новой знакомой. Подождав у двери некоторое время после звонка, он уже собирался уйти, как приоткрылась дверь, и зеленые заспанные глаза осветили сумрак лестничной клетки.

– Входи, только я еще сплю…

– Я не надолго!

Захлопнув за собой дверь, на ходу раздеваясь, Орлов ворвался в спальню, как гладиатор на арену. Хмель бушевал в его крови, настроение было вселенски приподнятое, казалось, годы куда-то исчезли, юношеское желание приключений будоражило обновленные мышцы. Он набросился на легко поддавшееся женское тело и не отпускал его в течение нескольких часов. Последние судороги счастья объединили потных любовников в крепком объятии. Одеваясь, Петр Петрович с умилением смотрел на мгновенно уснувшую женщину, ощущая себя великим и удачливым, молодым и здоровым. Тихо прикрыв за собой дверь, он спустился по лестнице, но на предпоследней ступеньке поскользнулся и рухнул лицом вниз, ударившись о решетку двери, стесав лоб и половину лица. Привстав, ощутил боль в ушибленном теле, промокнул носовым платком струящуюся со щеки кровь, с тяжелым вздохом поднялся и медленно пошел домой, еле передвигая ставшие неподъемными ноги, мгновенно отрезвев и вернувшись в реальную жизнь, с ее уставшим временем, затертыми чувствами и рушащимся здоровьем.

Анатолию постепенно стали надоедать откровения Орлова, и он стал увеличивать частоту приема водки. Появившийся внезапно Гиви присел за их столик, поддержал очередной тост и собрался было вновь исчезнуть. В это время в кафе зашли двое. Он – почти ровесник Орлову, с окрашенными в черный цвет усами, под-

крученными кверху, седыми волосами, морщинистой, дряблой кожей лица, одетый в светлый пиджак и черную водолазку. Она – в обтягивающей бедра и расклешенной книзу длинной юбке, светлоголовая, с плавными движениями рук.

Ошибиться было нельзя!

«Господи! Это же Инна и «кроликоусый»! – пронеслось в голове Анатолия. Быть узнанным сам он не боялся, так как за это время отпустил длинную немодную рыжую бороду и стал носить дымчатые очки с толстенными линзами. Когда-то густая шевелюра давно покинула его блестящую лысину, напоминая о былом курчавинками волос медного цвета, которые опоясывали узеньким ободком оголенную макушку, с упорно произраставшими на ней двумя-тремя нагло торчащими, похожими на антенны, волосками. Даже друзья молодости при встрече не могли опознать своего однокашника.

Издали он принялся наблюдать за памятной по прошлому парой, надеясь хотя бы теперь получить ответы на вопросы, поставленные в свое время старой криминальной историей. Петр Петрович сидел спиной к вошедшим, и видеть их не мог. Анатолий попросил Татьяну принести еще одну бутылку водки, и продолжил наблюдение. Видимо, те двое не собирались засиживаться долго. Они заказали бутылку шампанского и плитку шоколада, беседовали тихо, но предмет беседы, видимо, для обоих был не приятен. «Кроликоусый», прихлебывал из бокала шампанское, пена от которого соби-

ралась на усах, придавая им былую пушистость, глаза его не выражали ничего, но разговаривал он с Инной пренебрежительно. Та, потупив глаза, молча кивала головой. Вдруг она, взглянув в сторону сидящих Орлова и Анатолия, что-то быстро сказала и «кроликоусый» мгновенно встал и вышел из кафе. Инна рассчиталась с официанткой, затем направилась к выходу. Анатолию показалось, что она, несмотря на ушедшие годы, его узнала, и приготовился к не очень приятному, но необходимому разговору. В этот момент Петр Петрович встал, чтобы выйти в туалет и лицом к лицу столкнулся с Инной. Глаза его как бы очистились от влияния выпитого, в них виделось обожание и теплота.

– Региночка, добрый день! Какими судьбами? Мы с моим другом только сейчас говорили о нас. Знакомьтесь! Это – Анатолий! А это – Регина, моя королева!

Последовало непременное пожатие рук. Судя по выражению лица Инны («Регины?»), она не узнала Анатолия.

– Я на минутку зашла, встретила своего старого знакомого, но он торопился и только что ушел. А вы давно здесь развлекаетесь?

– Да, уже порядком! Разве по нам не видно?

– Такое впечатление, что ваша встреча длится с самого утра. Петр Петрович, ты куда-то собирался выйти?

– Как говорится, на минутку в мужскую комнату.

Слегка покачиваясь, Орлов прошел через зал, оставив наедине Анатолия и Инну. Пустяшный разговор подтвердил, что Анатолий остался неузнанным. Он заказал бутылку шампанского, конфет, пирожных и, дождавшись возвращения Петра Петровича, произнес очередной тост за прекрасных женщин, за дружбу и необходимость более частых совместных встреч.

Понимая, что для поиска истины спешка абсолютно не нужна, Анатолий не стал задерживать вдруг заторопившихся Инну и Петра Петровича, извинившихся за вынужденное свое отбытие, и наскоро записавших свои номера телефонов на визитке Анатолия. Он надеялся раскрутить клубок вопросов в последующие встречи. А пока провожал взглядом удаляющуюся с видимым ощущением гастрономического и психологического удовлетворения пару.

Так и не испарившись в тумане забот, необычно молчаливый, вертящий на вилке веточки петрушки, Гиви вдруг тихо спросил:

– А ты откуда знаешь дядю Славу и эту,…Регину?

– Какого дядю Славу?

– Ну, того, который сидел с Региной, пока она не увидела вас и не выпроводила его, …мне показалось, ты на них внимательно смотрел, как будто на давно знакомых.

– Да нет, просто лицо у твоего, как ты его назвал, дяди Славы – особое: вроде знакомое, а вроде и нет.

Анатолий решил до поры не раскрывать своей заинтересованности в личностях посетителей кафе, и в свою очередь спросил:

– А что? Ты его хорошо знаешь? Называешь: дядя Слава, а даже не подошел к нему?

– Ну, как сказать? Это вор в законе, когда-то хорошо помогал мне, другим кооператорам, сейчас тоже признанный авторитет. Но в последнее время появляется на людях редко. Всегда с этой Регионой. А, значит, опять что-то затевает. Что, твой друг из бизнесменов? Чего это она к нему прилипла?

– Да нет, когда-то, до перестройки, он был не бедным. Потом сидел. Сейчас, по-моему, доходов не имеет. Разве только что-то из прошлого осталось?

– Вот-вот! Клянусь святым Георгием, эта шалашовка так просто перед стариком выпендриваться не будет! Я ее лет десять знаю. Говорят, работает в какой-то конторе, скромница, но сам видел, как она на «Мерсе» с дружками по Москве пылила. Я у кафе «Изуминка» ждал Измаила. Гляжу – она сама за рулем, с подружкой и двумя бычарами. Тормознули около магазина, прошли мимо меня. Слышал, как один из бугаев спросил, не боится ли она оставлять машину открытой. Она захохотала: «Не боись, я еще штуки три куплю, если что…» Такая вот скромница! А к нам часто заходит пообедать,

наверное, контора неподалеку. К постоянным клиентам привыкаешь, где бы ни увидел, сразу узнаешь.

– Послушай, значит, она тебя тоже знает?

– Наверное. Но я для нее – обслуживающий персонал. А в лицо, скорее всего, знает. Но ни разу не поздоровалась!

– Ну, ладно, мне тоже пора. Спасибо, Гиви, сколько я должен?

– Как всегда! Пятьдесят процентов от той цифры, что будет по счету.

Анатолий простился с Гиви, расплатился с Татьяной, оставил ей несколько рублей чаевых, хотя и знал, что Гиви это не поощряет, так же как и попыток некоторых подпивших клиентов пофлиртовать с официантками. Эти действия им мгновенно пресекались, несмотря на дружеские отношения. Поэтому обслуживающий зал персонал менялся довольно часто.

Жара на улице контрастировала с прохладой кафе, обеспечиваемой новеньким импортным кондиционером, мгновенно вызвав прилив пота, горячими ручейками заструившегося со лба. Рубашка на спине тоже взмокла. На повороте лязгнул колесами видавший виды трамвай, заднее стекло которого было заделано листом фанеры. Стоявшая у тротуара красная «Нива» внезапно подпрыгнула, чуть не сбив отскочившего назад Анатолия. Мимо со скрежетом и разбрызгиванием по сторонам мелких осколков лобового триплекса пронеслась «БээМВэшка», оставив огромную вмятину на мирно

приткнувшейся к бордюру «Ниве». Машин на улице было не очень много, поэтому черный болид не вписавшегося в поворот нарушителя со скоростью куда большей, чем на «Формуле–1», виляя вправо и влево, благополучно исчез из поля зрения.

Анатолий вдруг мысленно увидел полупустую трассу и эту машину, лоб в лоб сцепившуюся с другой иномаркой. Липкую кровь на асфальте, застывающую в сгустки, неподвижные тела водителей и пассажиров, их отлетевшие в сторону ботинки и туфли (достоверный признак безнадежного исхода). Это было плохим предзнаменованием. Обычно, и уже не единожды, он убеждался в объективности своих видений.

Так случилось и на этот раз. Бесстрастный голос диктора вечерних новостей констатировал, что такого-то числа, во столько-то часов (через полчаса после случившегося около кафе), на такой-то улице произошло столкновение черной «БМВ» и серебристой «Ауди». В результате оба водителя и два пассажира погибли. Причина автомобильной аварии – алкогольное опьянение водителя «БМВ», превышение скорости и потеря управления.

Убедившись еще раз в достоверности своего предвидения, но не находя ему объяснения, Анатолий сел за стол и начал привычно разбирать ворохи бумаг, стараясь подготовиться к сбору материала для грядущей статьи. Разборка старых записей была своего рода ритуалом,

во время которого шел мыслительный процесс, завершавшийся достаточно быстрым, почти «с листа» написанием текста. Эта привычка выработалась давно. В молодости к нему частенько заглядывал знакомый Вася, работавший плотником в одном из стройуправлений. Он был небольшого роста, сухощав, с большими и широкими кистями рук, кожа на его ладонях походила на сплошную мозоль, была деревянно-жесткой, толстой и потрескавшейся. На спор он своей ладонью одним ударом мог спокойно забить здоровенный гвоздь в доску по самую шляпку. Физически сильный Анатолий, неоднократно, но безуспешно пытался повторить это действо, даже обмотав руку несколькими слоями брезента. Так вот, Василий обычно перед работой (он помогал тогда Анатолию соорудить из подручных материалов прихожую), садился и долго курил, стряхивая пепел в свою задубевшую ладонь. Потом шел на кухню и предлагал выпить стопку-другую водки. Анатолий поддерживал его, но обеспокоенный затяжкой времени как-то спросил: «Не пора ли начать делать задуманное?». На что Василий, попыхивая резким дымом папиросы (а курил он только «Север»), ответил: «Не торопись. Я сейчас как раз и думаю, что и куда приколотить. Как все продумаю, дальше останется только сделать, а это уже – ерунда». И, действительно, в какие-то полтора-два часа прихожая была сколочена накрепко и лет двадцать исправно служила Анатолию.

Покинув кафе, Петр Петрович и Регина прошлись по аллеям городского парка, полюбовались на снующих вверх и вниз по деревьям рыжих белок, и вошли в подъезд дома, стены которого были сверху донизу расписаны яркими красками в стиле модного «граффити». Но тематика росписей была стара, как сам Петр Петрович, что и пятьдесят, и семьдесят лет назад. «Вова + Маша = любовь» и тому подобное. Только все это написано было латинскими буквами, с ошибками, зато крупно и надолго.

Квартира у Регины была трехкомнатная, отделанная современными синтетическими материалами под дерево и под ткань, что почему-то называлось «евродизайном». Однако мебель была истинно деревянная, по которой не зазорно было постучать, приговаривая: «Тьфу, тьфу, тьфу…». Почти всю спальню занимала огромная кровать белого цвета с позолотой в виде виньеток, на которой свободно могло разместиться человек шесть. Одна стена от пола до потолка представляла собой зеркальные створки шкафа-купе, отражавшие разбросанные по комнате вещи хозяйки.

Петр Петрович дождался, пока Регина примет душ, чтобы полюбоваться на нее без грима, укутанную в белый, до пола белый махровый халат. Ее глаза тут же начали излучать темно-болотные окутывающие волны желания, губы наполнились изнутри, покраснели, и, как показалось Орлову, начали еле видно пульсировать. Крепко обхватив слабо сопротивляю-

щееся тело, он прижал ее к себе, ощущая каждую ложбинку и выпуклость. Регина, продолжая колдовать всепоглощающим взором, поцеловала густо заросшую седыми волосами грудь Петра Петровича, слегка прикусив губами его соски, от чего знакомые волны возбуждения мгновенно превратили благообразного старца в безрассудного юношу. Просунув под халат обе руки, он стал ласкать свежее, пахнущее чистотой и ароматным гелем для душа нечто женское, томное и долгожданное. Ее груди уплотнились, а, скользнувшая книзу рука Орлова, покинув мягкие волосы на пышном бугорке, почувствовали заветную мягкость и влажность. Набросившись на давно не сопротивляющуюся женщину, он опрокинул ее на кровать и вонзил свой узловатый, напряженный до предела ствол в теплое и влажное вместилище. Процесс длился долго. Вдруг Петр Петрович захохотал, сотрясая все внутри у Регины.

– Ты что?...

– Прости! Вспомнил, как однажды посоветовал своему другу одеть один на один два презерватива, поскольку они часто рвались. Тогда их выпускала еще отечественная промышленность под названием «изделие №2» и качество было также на двоечку. А друг был здоровенным амбалом, да и жена ему в росте не уступала. Но на следующее утро она не вышла на работу из-за длившегося всю ночь акта. А самое интересное, что столь долгого трения резина не выдержала и в заключительной фазе

под утро неожиданно лопнула, что впоследствии стало причиной такой же нежданной и нежеланной беременности.

Посмеявшись вместе, они продолжили столь любимое обоими занятие. Удовлетворив сомлевшую и задремавшую подругу, Петр Петрович принял прохладный душ и, густо заварив «тот самый», со слонами на коробке индийский чай, присел на уютной кухоньке, глядя на экран надоевшего, но притягивающего к себе телевизора.

Через полчаса он почувствовал мягкую ладошку Регины на своей щеке.

– Ты чего не спишь?

– Сейчас досмотрю бокс и приду, ложись, отдыхай!

– Знаешь, мне с тобой надо серьезно переговорить, спать я уже не хочу, да и не могу.

– Ну, что, прямо сейчас? Так было хорошо и вдруг какие-то разговоры… Давай о серьезном – завтра!

– Нет! Послушай! Это очень важно не только для меня, но и для тебя!

Лицо у Регины как-то постарело, глаза потухли, в них ощущалась настороженность, даже испуг, но в голосе чувствовалась непоколебимость, уверенность и гипнотический напор.

– Сегодня в кафе я встретилась с одним человеком из своего прошлого. Он, кажется, вор в законе, или какой-то там авторитет. Не знаю, как они сейчас называются. В молодости по его вине я оказалась в ситуации, когда меня

могли посадить лет на десять, а то и на все пятнадцать. Тогда удалось еле-еле спрятаться, уехав из Москвы сюда. И вот через столько лет эта сволочь, как бы случайно, встретил меня и начал угрожать, что сдаст меня ментам. У него есть какая-то пленка, на которой якобы записан наш с ним разговор, уличающий меня в соучастии в убийстве. Но этого на самом деле не было и не могло быть. Это он все состряпал.

Слезы ливанули из глаз Регины, как из взорванной плотины.

– Он требует от меня очень много денег, потому что считает, что я добралась до финансов одного грузина, убитого на моих глазах много лет назад. Правда, свидетелем там я была не одна. Народа тогда было много, отмечали какой-то юбилей, или премию, уже не помню. В тот вечер были убиты еще два человека. Вспоминать – и то страшно! На этой чертовой вечеринке я была с одним своим знакомым Виктором, известным в тогдашнем СССР художником. Он учился в школе классов на пять старше меня. Хорошо, что его приятель, тоже художник, Аристарх, кажется, во время суматохи после убийства, пригласил нас на свою дачу, которая была километрах в четырех от дачи того грузина, которого застрелили. Мы втроем потихоньку оттуда смылись и уже под утро добрались до Аристарховой дачи. Оттуда днем на электричке уехала домой, в Москву. Жила я тогда на Нижегородской. Это на Таганке. Квартира от тетки осталась, трехкомнатная. А вече-

ром, крутившийся на даче у грузина, (кажется, его звали Рамазом), Александр Евгеньевич, тот самый, который встречался со мной в кафе, уже дозвонился по моему телефону. Он сказал, что на меня «повесят», по крайней мере, два убийства, если я не продолжу свое знакомство с Ниной Фоминичной, женой того самого убитого грузина. Назначил тут же время для переговоров у Главпочтамта через два часа. Я испугалась, собрала вещи и на «скором» с Курского вокзала примчалась в этот город, где у меня не было ни друзей, ни знакомых. Так вот и жила год-другой, работала экономистом в разных конторах, пока не встретила Фокина, своего муженька-летчика, который приземлился, как он говорил, на запасной аэродром, сделал мне дочку и благополучно улетел к другой дурочке. Да он и сейчас такой же, года четыре назад приезжал, дочке подарков навез, и опять исчез. Об остальном, ты, Петр Петрович, знаешь!

Поднесенный к глазам носовой платок мгновенно пропитался слезами. Регина зарыдала, покачиваясь вперед-назад и по-бабьи подвывая.

– Боюсь за дочку…за себя…за тебя… Что, если он узнал мой адрес?

Петр Петрович задумался. Денег у него не было. Но эту красивую и добрую женщину, попавшую в беду, беспокоящуюся не только о себе и своих близких, но и о нем, нельзя было оставлять без помощи. Наконец, он решился.

– Регинoчка! Когда-то давным-давно, будучи еще при власти и при деле, мне удалось кое-что приберечь на самый крайний случай. Думаю, он сейчас настал! У меня есть и брильянты, и не граненые алмазы. Их не столько, сколько у моего приятеля Измаила, которому они достались, кажется от деда, но все-таки… Парочка двухлитровых банок и у меня припрятана. Вот как только их в баксы перевести? Риск большой.

Движения Регины вдруг прибрели плавную пружинистость, слезопоток прекратился, оставив на пухлых щеках две влажных дорожки. Необычная для известной Орлову Регины сосредоточенность отразилась даже на цвете ее радужки. Глаза приобрели серо-стальной посверкивающий отблеск. А, может, наступившие сумерки смахнули яркость цветов и упрятали в глубину темноты все откровения.

– О, Господи! Неужели нам удастся избавиться от шантажиста хоть на время!

Регина всем телом придавила Петра Петровича к стенке и прошептала: «Я не знаю, чем отплатить тебе за доброту, участие и желание помочь! Я не спрашиваю где твои камни, когда и как мы сможем их обменять! Мне хватит того, что я услышала! Твое желание помочь – важнее самой помощи! Я верю во все, что ты говоришь, и искренне люблю тебя, мой хороший, мой миленький!»

Петр Петрович почувствовал, как что-то защемило в носу, появилась мутная пелена

перед глазами, которая материализовалась в две крупные слезины, пролившиеся по морщине почти до подбородка.

– Что ты? Что ты! Все будет хорошо, как поет Верка-Сердючка. Я сейчас же принесу тебе десятка три этих стекляшек. Их вполне хватит! Наконец-то они понадобились для доброго дела!

Петр Петрович заторопился и вышел, осторожно прихлопнув за собой дверь. Регина его не удерживала. Слез на ее щеках уже не было. Она уверенно подбежала к платяному шкафу и вытащила со второй полки из-за хрустящих и пахнущих усиленно рекламируемым «Ленором» простыней – большой морской бинокль. Это был подарок мужа, ожидавшего от нее рождения сына, которому этот инструмент и предназначался. Она приоткрыла окно и направила бинокль на расположенные напротив и ниже окна квартиры Петра Петровича, которую она знала не хуже своей. Занавесок на окнах не было, а свет он всегда зажигал яркий. Уже несколько месяцев каждый вечер Регина внимательно отслеживала жизнь и быт Орлова. Она знала всю жалкую обстановку квартиры своего приятеля, видела, как он ежеутренне занимается маленькими, килограмма по полтора, гантелями, а потом делает свой любимый точечный массаж. Вне поля ее зрения оставалась лишь прихожая, да ванная комната с туалетом.

Раза два она наблюдала, как Орлов занимался любовью со случайными подружками. В

обоих случаях это были, видимо, стоящие на обочинах и голосующие проезжающим машинами девицы в коротеньких юбчонках, с синяками под глазами, со слюнявыми ртами, охваченными пожаром яркой помады. Они профессионально обращались с «резинками», быстро переходя от активного возбуждения к работе: сначала ртом, затем остальными частями своих натруженных тел. Регина обратила внимание, что и в том и в другом случае девиц подвозили на такси с одинаковыми цифрами на желтых в черную шашечку фонарях. Оказывается, это теперь входило в «сервисное обслуживание». Таксисты доставляли на дом и выпивку, и закуску, а поутру и холодное пиво. И девочек – тоже. Все решала лишь «цена вопроса».

Вспомнилась развеселая юность, когда она, тогда еще Инна, добиралась на богемные вечеринки самостоятельно, а то и на попутках, расплачиваясь с «водилами» известным способом. А ведь отечественная резиновая промышленность выпускала те самые, совершенно некачественные «изделия №2», рвущиеся в самый не подходящий момент. Но все остальное, кажется, у нее выходило даже позабористей, чем у теперешних прагматичных, как роботы, «жриц любви».

Это несколько успокоило Регину, и она, ожидая появления Петра Петровича в оконном проеме, вспоминала, как человек, представившийся ей Александром Евгеньевичем, сделал ее женщиной в семнадцать неполных лет.

Тогда она, не пройдя по конкурсу в МГУ на факультет журналистики, и не собираясь возвращаться в осточертевшую Рязань, вместе со своими поступившими в медицинский институт друзьями забрела в кафе «Белый аист» на Ленинском проспекте. Нахлынувшая на них цветом, звуками, запахами, активностью движения, сказочными подземельями метро, Москва – внушала ребятам ощущение взрослости, какой-то непонятной пока тайны, в начале разгадки которой они оказались. Усевшись за столики, по нескольку раз перелистав меню, выясняя, прежде всего, хватит ли денег на вечеринку, они заказали по бокалу коктейля «Светофор», называвшегося так по трем ингредиентам. Зеленый цвет представлял налитый на дно ликер, кажется, «Бенедиктин», желтый – наслоенный на него желток яйца, красный – какой-то вишневый ликер. Потом повторили еще раз. В голове стало легко и пусто, все вокруг показалось приятным и многообещающим. Веселящиеся друзья вдруг стали раздражать Инну. Им повезло. Они уже студенты, а ей предстоит осваивать гигантский город, искать в нем свое место.

К ней подошел, тогда еще молодой, с пышными светлыми усами человек и пригласил на танго. Инна мгновенно согласилась. Руки незнакомца крепко обхватили ее и прижали к себе. Звуки «Арабского танго» завораживали, а незнакомец, так и не представив-

шись, повел ее в танце к стойке бара. «Будь, что будет!», убеждая себя, подумала Инна, голова у нее кружилась, тело ожидало чего-то неизведанного. Протянув бармену двадцатипятирублевку («Боже, какие деньги!» мелькнуло в голове), незнакомец вошел через боковую дверь в подсобку, держа Инну за руку. Бармен открыл ключом какую-то кладовку, забитую мешками с сахаром и ящиками с водкой. Закрыв за собой на ржавый крючок дверь, усатый партнер начал стаскивать с себя водолазку и расстегивать брюки. Инна поняла, что отступать поздно, да и не хочется. Все вокруг ходило ходуном. «Ну и пусть!» Она быстро разделась, не чувствуя стыда, а только досадуя, что Это случается как-то не полюдски, с неизвестным, хотя и приятным на вид человеком, в запыленной кладовке… Затем были: мгновенная боль, жесткие объятия, хриплое дыхание, запах водки и табака внутри, тисканье грудей, а потом, как в детстве, мокрое ощущение между ног и пустота…

Даже сейчас ей стало зябко и не по себе. Ведь потом началась жизнь вразнос. Какие-то сходки, пьянки, десятки мужиков, желающих иметь ее «по любви», но платящих за это то больше, то меньше. Александр Евгеньевич был с ней месяца два, потом исчез. Заработал очередную отсидку. Она об этом знала, но особенно не расстраивалась, а старалась сделать себя любым путем. Знакомства с художниками, поэтами, артистами, стали

самоцелью. Вопреки всему надо было утверждаться в столице. А для этого требовались немалые деньги и связи.

О своей жизни она рассказала Петру Петровичу далеко не всю правду. Да и каково было бы узнать влюбленному старику, что все эти годы она поддерживала наитеснейшую связь со своим первым мужчиной в те короткие, «от ходки до ходки», промежутки, которые становились общими и в личном, и в деловом аспекте. Инна активно участвовала в реализации всех предприятий Александра Евгеньевича, приносящих серьезные деньги.

Не было исключением и ограбление покойного Рамаза Шалвовича, которое она впервые решила осуществить самостоятельно, чтобы обеспечить себя материально на долгие времена и не зависеть от постоянно исчезающего «на зоне» партнера. Тут ее воспоминания прервались. В комнате Петра Петровича загорелся свет, Инна сосредоточилась и впилась глазами в запотевающие окуляры.

Старик подошел к стоящему у стены аквариуму, где кишмя кишели разноцветные вуалехвосты, «золотые рыбки», снующие меж струйками пузырьков воздуха. Инна часто видела, как старик подолгу сидел около окошка в подводное царство, наблюдая жизнь неутомимых рыбешек «за стеклом». На этот раз он опустил руку в воду, и что-то зачерпнул со дна, потом высыпал это «что-то» в принесенную им поллитровую банку.

– Господи, как в детективе! Прячет свои камушки в аквариуме! Просто и никто не догадается, потому что в воде их не видно! Вот это старикан! Сколько же там их на дне?

Свет в окне исчез. Минут через пять вслед за звонком в дверь, тяжело дыша от скорой ходьбы, вошел Петр Петрович. Инна уже припрятала бинокль и, придав лицу страдальческое выражение, встретила своего ухажера на пороге. В руках он держал пакет из «Семейной копилки», в котором просматривалась уже знакомая Инне пол-литровая банка.

– Отдышись, пожалуйста! Куда это ты бегал?

– Так, в одно место, где у меня кое-что из обещанного припрятано. Посмотри вот!

Петр Петрович вынул из пакета банку и высыпал брильянты горкой на стол. Конус из камней засветился, заискрился, как будто пытался своим сиянием обратить на себя внимание. Инна покосилась на окно («Не увидит ли кто этот мерцающий свет?») Зная толк в драгоценностях, она зрительно выделила пять-шесть крупных камней каратов по десять-пятнадцать.

«Да здесь не просто целое состояние! До конца дней хватит! И рассчитаться с дядей Славой можно безболезненно. Представляю, сколько еще их там в аквариуме лежит без дела!» Но на лице ее сохранилось смешанное со страданием выражение удивления. Вслух она спросила:

– «Что, неужели этих камней хватит, чтобы расплатиться с человеком из прошлого?» А сама подумала, что постарается опять обвести вокруг пальца Александра Евгеньевича.

– Конечно! Надо только найти посредника, чтобы переправить их к покупателю. Сейчас есть, кому их покупать, вон вокруг что творится! Раньше за это дело стреляли, а сейчас выпускают свободно в Англию, или во Францию, во всяких Куршавелях кататься, яйца Фаберже покупать, клубы футбольные! Один мой знакомый написал: в ухабах города и веси, наука стонет в неглиже, зато в трусах защиты «Челси» мелькают яйца Фаберже. Так что, не беспокойся, постараюсь через своих старых друзей на кого-нибудь из богатеньких выйти!

– Послушай, может, и я попробую через московских художников найти покупателей? Помню, раньше были еще те коллекционеры!

– Ну, ладно, я пойду домой, буду звонить по своим каналам, ты пока не включайся! Как бы не испортить все! Пока, целую!

Петр Петрович резко повернулся к двери. Глаза его вдруг закатились, он пошатнулся и упал навзничь. Может, ему стало жалко отдавать то, что так долго хранилось? Может, нервное и физическое перенапряжение последнего времени повлияло? Может, просто пора пришла? Только он умер сразу, гулко ударившись костями головы о цемент лестничной площадки.

Ойкнув, Инна быстро сообразила, что оставлять тело у своих дверей негоже, тем более, что предстояло найти остальные драгоценности, прежде чем исчезнуть из этой страны с ее неиссякаемыми странностями. Она высыпала брильянты в сумочку, вызвала лифт, подтащила к нему Петра Петровича, и, рискуя всем, спустилась вместе с ним на первый этаж. Ей удалось, никого не встретив, дотащить тело до двери в подвал и сбросить его на железные ступеньки. Дверь в подвал она прикрыла, поднялась к себе, достала старый навесной замок от давно проданной дачи, и заперла на него подвальную дверь, долго провозившись с проржавевшим механизмом.

Пока все шло без осложнений. Смерть, казалось, пришла как нельзя вовремя. «Надо только успеть добраться до аквариумного дна! А ключ от орловской двери?» – промелькнуло в ускоренно соображающей голове Инны. «Придется лезть в подвал. Как же я раньше не додумалась? Хотя другого выхода нет!» Открыв замок со скрипом проворачивающимся ключом, она спустилась по ступенькам, ощупала начавшее охлаждаться тело. В карманах ключа не было. «Не может быть! Он где-то здесь…» Но поиски были безуспешными. Инна вновь закрыла подвал и медленно пошла по лестнице вверх. Потом передумала, спустилась вновь на первый этаж и нажала кнопку вызова лифта. Дверь тотчас открылась. На полу у стенки справа лежала связка ключей, видимо, выпав-

шая из кармана брюк при перетаскивании тела. Спокойно подняв ключи, Инна положила их в сумку, услышала хлопок входной двери в подъезд, и повернулась к пульту, чтобы отправить лифт на свой этаж.

«Минуточку!» – раздался громкий и неожиданно знакомый голос. В проеме лифтовой двери появился Александр Евгеньевич.

(*Продолжение следует*)

ВЫСТРЕЛ В НИКУДА

Иван Спиридонович стоял у мойки на кухне, ожидая подачи горячей воды. Как и каждый день, ее включали по часам. И при Советской власти, и при теперешней. Только в течение шести часов – после семнадцати и до двадцати трех – удавалось перемыть всю скопившуюся за день посуду. После двадцати трех и до утра в кранах не было ни горячей, ни холодной воды. Вот и сейчас приходилось стоять, с надеждой глядя на фыркающий и уже начинавший брызгать желто-коричневыми каплями кран.

Когда-то Иван Спиридонович сам избирался в областной Совет народных депутатов и присутствовал на многочисленных собраниях «актива», когда первые лица партийной и хозяйственной элиты города клятвенно обещали с трибун чуть ли не в будущем году напоить горожан досыта из речного водозабора. Прошло два десятилетия. Сменились первые секретари горкома и райкомов партии, председатели городского и районных исполкомов, появились мэры и главы администраций, а с водоснабжением в городе ничего не изменилось. И шут бы с ней, грязно-желтого цвета, перенасыщенной соединениями железа, с едким запахом хлора, – лишь бы была вообще. Жители верхних этажей стандартных «девятиэтажек» зачастую выстраивались в очереди к соседям с нижних этажей, или плелись с ведрами к водонапор-

ным колонкам на близлежащих деревенских улицах, которые оказались внутри разросшегося микрорайона.

Он до сих пор помнил, как начиналась эта застройка под лозунгом «Жилье – 2000». Значит, к 2000 году все жители должны были получить, пусть не очень комфортабельные, но бесплатные квартиры.

С тех пор прошло двадцать лет, полгорода застроено сверхсовременными евродомами, в которых квадратный метр продается по цене полугодовой, а то и годовой зарплаты, население убавилось тысяч на двести пятьдесят, но ветхое жилье по-прежнему остается достоянием большинства жителей. Даже посетивший город налетом президент, вместо посещения близкого его сердцу турнира то ли по дзюдо, то ли по самбо, обратил внимание на нерешенную жилищную проблему.

А тогда – первый секретарь обкома партии, взобравшись со свитой на восьмой этаж вновь строящегося «объекта областного значения», оглядел пространство, занимаемое старым яблоневым садом, и отдал распоряжение: «Сад вырубить! Построить микрорайон на сорок тысяч жителей!» Слова первого были немедленно записаны помощником и уже через год первые девятиэтажные, приткнутые окнами друг к другу дома заселялись очередниками. Надо отдать должное – и объект был выстроен благодаря волевому, но совпадавшему с желанием народа, решению.

Старый латунный кран выплюнул первую порцию воздуха вперемешку с водой, струя которой постепенно нарастала в мощи, согревалась, и, наконец, Иван Спиридонович приступил к своему любимому занятию. Он выдавил в кастрюлю добрую толику «Ферри», и зеленого цвета губкой начал обрабатывать тарелки, вилки, чайные чашки, затем прополоскал их в теплой воде и уже собрался расставить утварь в сушилку. Но закончить уборку ему не удалось. Громкая трель звонка у входной двери заставила пойти открывать ее, на ходу вытирая о льняное полотенце руки, прикрикнув на курчавого пуделя, с громким лаем бросившегося встречать нежданного гостя.

В проеме двери проявилась коренастая мужская фигура в милицейской форме. Сержант был молод, стеснителен, но говорил весомо, защищенный служебной принадлежностью.

– Здравствуйте, я ваш участковый! У вас есть охотничье ружье?

– Да…

– У вас просрочено разрешение на право его хранения. Покажите его и ружье!

Иван Спиридонович, попросил участкового пройти в комнату, а сам начал рыться в бумагах, пытаясь отыскать злополучный документ.

Дело в том, что ружье ему было подарено друзьями лет десять назад, к пятидесятилетию, отделано гравировкой на металле и резьбой по дереву на всех деревянных частях.

Лежало оно в разобранном виде в металлическом чемоданчике, там же пылился просроченный охотничий билет. Пять лет назад друг Николай (полковник милиции и сам охотник) напомнил ему о необходимости перерегистрации, тогда же была уплачена и пошлина в охотничье общество. Надо сказать, что за все десять лет из ружья не было сделано ни одного выстрела. А продавать его Иван Спиридонович не хотел, оно было ценно, как подарок друзей и добрая память о них. Патронов, кстати, у него тоже не имелось.

Наконец, документ нашелся. Просмотрев его, сержант констатировал, что уже как две недели истек срок замены разрешения.

– Будем изымать ружье!

– Как это?

– Так положено по закону! Вот у меня книжка, смотрите сами… будем вызывать понятых!

– Позвольте, давайте тогда представимся друг другу! Вот мои документы!

Иван Спиридонович протянул участковому служебное удостоверение, выданное администрацией области, с надеждой, что это окажет хоть какое-то воздействие на слугу закона. Тот просмотрел «корочки», вынул и показал свои. Впрочем, обе стороны остались при своем мнении.

Отдавать ружье не хотелось. Иван Спиридонович решил потянуть время.

– А как вы будет изымать ружье?

– По закону! Два свидетеля, протокол, подписи, передача на хранение в милицию до оформления разрешения на хранение.

– Хорошо, а в случае утери кто будет возмещать стоимость?

– Ну, соответственно, органы…

– А сколько денег будет возмещено? Кто оценит резьбу по дереву, золочение спусковых крючков, гравировку по металлу? Аналогичные ружья являются произведениями искусства, и без специальной экспертизы – просто не могут быть изъятыми! Если бы вы у меня забирали скрипку Страдивари, то достаточно ли подписей двух понятых для этого? В таком случае вы можете в случае утери заплатить мне магазинную цену скрипки, а себе приобретете миллионодолларовое состояние? Я отдавать ружье не буду. Настаиваю на вашем пребывании в моей квартире до тех пор, пока не будут произведены необходимые мероприятия по оценке оружия, в том числе в присутствии вашего руководства, или адвокатов… не знаю, кто при этом должен быть по закону, сейчас справлюсь у дежурного по прокуратуре, или позвоню домой зам. областного прокурора!

Сержант был озадачен. Чувствовалось по взгляду и по замедлению движений, что он ищет выход из непонятной ситуации. Иван Спиридонович уловил его колебания и решил усилить их.

– Кстати, а что будет, если в период доставки ружья от дома в милицию на вас будет

произведено нападение, ружье будет отобрано, использовано с целью убийства, а потом возвращено? Почему я должен отвечать за выстрел, приведший, как говорится, к смертельному исходу? Где гарантии доказательства моей невиновности в таком случае?

– Ну, знаете, это вы все фантазируете!

– Да нет! В жизни бывают куда более неправдоподобные ситуации, не мне вам о них говорить. Вот у меня был друг, царство ему небесное, который всю жизнь работал автомобилистом, прошел путь от завгара до руководителя автохозяйства, был великолепным первоклассным водителем. Кроме того, еще до своего автомобильного периода, служил офицером на флоте, откуда был уволен по хрущевскому миллионному сокращению армии. Он очень любил морскую службу, уже в запасе ему было присвоено звание капитана первого ранга. Однажды, возвращаясь ночью с охоты, будучи совершенно трезвым, разбился насмерть в автокатастрофе. Встречный КАМАЗ с прицепом объезжал лежащую на проезжей части дороги убитую в семейном скандале женщину. В условиях плохой освещенности улицы водитель КАМАЗа поздно заметил лежащее тело, и был вынужден резко повернуть налево, на встречную полосу движения, чтобы объехать его. Маневр был выполнен до столкновения с «Волгой» друга, все-таки заметившего КАМАЗ и свернувшего на обочину. Но он не мог предвидеть, что прицеп с тяжелым грузом занесет, и

тот полностью перегородит узкую дорогу вплоть до обочины, стесав «Волгу» наполовину, раздробив всю левую половину тела друга, и унесет его жизнь в небытие… Так вот, удивительным было то, что грузом в прицепе КАМАЗа был перевозимый на переплавку старый самолет. Разве правдоподобна ситуация, когда причиной смерти моряка и автомобилиста стал самолет?

Столь длинное и грустное повествование расстроило самого рассказчика. Он замолчал, задумавшись над прошлым, и на мгновение позабыл о ружье, сержанте, о бурно струящейся воде из-под не закрытого им крана на кухне.

Иван Спиридонович был профессором университета, возглавлял кафедру подземных сооружений горного факультета. Маленького роста, сухощавого телосложения, с седой, все еще достаточной шевелюрой, не исковерканной лысиной. Добрая и веселая улыбка не покидала гладко выбритого лица. Его труды были известны в мире, по написанным им учебникам воспитывалось не одно поколение горных инженеров. Но вот не умел он «прогинаться» под власть имущих. А надежду «Машины времени» во главе с любителем «Смака» Макаревичем, что изменчивый мир «прогнется под нас», считал просто удачным идеализированным пожеланием. Поэтому и квартиру имел на девятом этаже в глухом районе, добираться до которого после лекций приходилось с двумя пересадками на общест-

венном транспорте, или заполонивших город микроавтобусах фирмы «Автолайн». Изредка он пользовался услугами старого приятеля Гены. Тот довозил его до работы, рассказывая по дороге анекдоты и байки из шоферской жизни. Хорошо зная погибшего друга Ивана Спиридоновича, он всякий раз, проезжая мимо места его гибели, давал протяжный сигнал клаксоном видавшей виды «Лады».

Очнувшись, Иван Спиридонович решил больше не спорить с сержантом. Однако, тот принял удачное компромиссное решение.

– Хорошо, давайте пишите расписку в том, что вы были мной предупреждены и завтра сами лично привезете ружье для сдачи на временное хранение.

– Спасибо! Однако, не понятно, почему столько шума вокруг гладкоствольного ружья. Тем более, из которого ни разу не стреляли! Да и что следить за такими людьми, как я! Неужели нельзя было по-человечески предупредить об истечении срока по телефону, или хоть какой писулькой. Тут же все было бы сделано! Где же та профилактика, о которой все время бубнят органы? Те, кто занимается бандитизмом, разрешений на хранение оружия не спрашивают. По городу открыто ходят вооруженные люди, от которых милиция просто отворачивается. Более того, ни один закон не предусматривает регистрацию взрывчатки. Вчера в метро на Павелецкой один вагон раздуло, другой сплющило, десятки людей погибли, сотни ране-

ны, а стражи порядка занимаются контролем хранения оружия стариками-пенсионерами, которые имеют его лишь как декоративную ценность и память о подаривших людях. А своевременность регистрации не соблюли из-за склероза. С такими нарушителями проще, чем с бандюками!

– Что поделать! Закон приняли, а мы его выполняем.

– Вот, вот! Те, кто такие законы принимали, на программе у Савика Шустера по «телеку» выступают, соревнуются, кто жестче предложит кару для террористов, а на самом деле стараются себя выгодней показать перед выборами президента. Да еще и успевают лизнуть его осторожно, чтобы и выглядеть оппозиционно, и жизнь себе не испортить, как политическую, так и фактическую…

Понимая, что зря кипятится, Иван Спиридонович постарался приостановить эмоциональный поток, успокоиться и делать, то, что предотвратит «неизбежность наказания», которая в нашем государстве существует для всех, а все остальное – для избранных. Поэтому он, пока медленно писал расписку, прятал ружье в футляр, – прокручивал в голове свое областное депутатское прошлое, перипетии многолетней давности попытки баллотироваться в Госдуму, вообще все относящееся к зигзагам власти.

Будучи идеалистом, он тогда еще надеялся на постепенное торжество той самой свободы слова и демократии, за которую 19

августа 1990 года готов был идти в любые застенки. Весть о мятеже ГКЧП нагнала его в вагоне поезда, направлявшегося на родину, где хотелось провести отпуск. Он немедленно принял решение срочно вернуться к месту службы, поскольку был членом Президиума областного Совета народных депутатов, в котором шла напряженная борьба между сторонниками и противниками перемен. Тогда он еще не мог предполагать, во что превратится некогда могучая страна из-за неумелого управления на всех уровнях власти. Но вероятность репрессий заставила его подумать о необходимости собрать чемоданчик с бельем, бритвой, зубной щеткой и «тормозком» на первое время.

Когда эта эпопея закончилась, начался период непонятных, но далеко не «демократических преобразований», вплоть до расстрела Белого Дома. Несколько позже, по просьбе губернатора, он выдвинул свою кандидатуру на выборы в Государственную Думу. Тогда думалось, что выборы – относительно честная компания, в которой может победить справедливость. Поэтому, обогащенный социальным заказом математический ум Ивана Спиридоновича выдвинул несколько тезисов, которые, по его мнению, должны были сыграть существенную роль в воздействии на избирателей. В своем обращении к избирателям он писал:

«Мы живем в великой, но очень больной стране. Она больна физически: резко снижается рождаемость, к 2000 году при теперешнем положении дел 97 % выпускников школ будут иметь те или иные болезни. Уже сейчас 87 из 100 восемнадцатилетних парней по состоянию здоровья не подлежат призыву в армию. Специально для России на Западе предложен термин «сверхсмертность». Ведь она более чем в 2 раза превышает рождаемость.

Страна больна экономически. Достаточно сказать, что в нашей области снижение объемов производства в 1996 г. по ряду отраслей достигает 73 % по сравнению с 1992 г. В социальной и духовной сферах царит нравственный паралич. Вирус обогащения и стяжательства привел к критическому расслоению народа на богатых и бедных. Миллиардные шоу, триллионные войны, раздувание чиновничьего аппарата, казнокрадство и коррупция обеспечивают невыплаты пенсий, невыдачу заработанной платы за труд, ставят на грань выживания все большее число людей.

Достоевский в «Бесах» предостерегал, что "Русь – страна нищая и опасная, страна тщеславных нищих в высших кругах своих". Несоблюдение законов, терроризм и преступность, разрушение сельскохозяйственного производства, все

меньшая доступность медицинской помощи, образования, отдыха – довершают клиническую картину тяжелой болезни.

Необходимы срочные реанимационные мероприятия. «Я привык к взгляду врача. Врач живет в ...мире фактов ..., он не учит – он учится, он не мстит, а старается облегчить, видя страдание, видя недостатки, он ищет причину, связь, он ищет средств в том же мире фактов» – писал Герцен. Необходимо избавиться от желания делить людей на чистых и нечистых, на "красных и белых". Как из семи цветов спектра составляется видимый свет, так и из людей разных возрастов, разных взглядов – неминуемо сложится общество будущего. Русский философ Бердяев точно заметил: «Будущее вне политики, будущее носится над хаосом всех политических и социальных стремлений и возьмет из них нитки в свою новую ткань, из которой выйдут саван прошедшему и пеленки новорожденному». Наступает время единения. Лекарство от болезни не вне, а внутри нас. Надо высвободить силы добра, справедливости и любви.

Перед вами стоит нелегкая задача выбора депутата Государственной Думы. Это должен быть местный житель, на самом себе чувствующий симптомы болезни страны и желающий в меру сил помочь ей, как самому себе. Это должен

быть человек, верящий, что только духовное возрождение способно привести к экономическому и культурному подъему, к сохранению и умножению народного здоровья. Вам решать, кто это будет!

Важно, чтобы это был человек, не обещающий неисполнимого и исполняющий обещанное! Чтобы он не лицемерил перед власть предержащими, не злоупотреблял положением депутата и участием в корыстных политических и других сделках! Чтобы он стал, по сути, адвокатом, защитником интересов земляков, не прерывая пуповину связи с родной землей!

Дорогие мои земляки! Приходите на выборы! Народная мудрость, здравый смысл и справедливость позволят вам сделать правильный выбор! Я верю, – страна излечится от хвори! Я с вами и за вас!»

Воспоминания промелькнули за минуту, другую. Искренне написанное в те годы обращение к людям показалось Ивану Спиридоновичу в чем-то похожим на последующие предвыборные призывы кандидатов в слуги народа. Видимо и его избирательная компания стала предметом изучения создателей образа депутата, так называемых имиджмейкеров, взявших на вооружение отдельные обороты и общий настрой послания.

Только толку никакого от тогдашних выборов не было. Никто, кроме московских кан-

дидатов, не знал, что избрание в депутаты дорогого стоит. Что лоббирование законов – мощная доходная статья депутатов, что основными помощниками некоторых из них станут представители криминальной среды, расцветшей в стране «развитого социализма». Поэтому рассчитывать на избрание в законодательную кормушку можно было лишь тем, кто прятался за партийный список, либо имел сверхбольшую финансовую поддержку.

Теперь еще хлестче стало! На избрание депутатов средства поступают из бюджета, от тех самых налогоплательщиков, которые потом проклинают своих «избранников», которых они не избирали, а еще и финансировали «по закону».

Даже в избирательном округе, где каждый знал Ивана Спиридоновича, как бессребреника, и надеялся на его избрание в Думу, выборы он проиграл. Деньги сделали свое дело! То ли элементарный подкуп, то ли выкуп избирательных урн с подменой бюллетеней, то ли подтасовка на последних этапах подсчета голосов, но что-то было уже в те годы. Федеральный административный ресурс «сработал» против себя из-за непопулярности тогдашних лидеров, и выигрыш остался за неугодным Кремлю, но известным своей оппозиционностью московским претендентом.

Вспомнилось, как один из тогдашних молодых лидеров движения НДР («Наш дом Россия») пригласил в Государственную Думу на

собеседование Ивана Спиридоновича, надеясь, в обмен на проведение линии НДР в случае избрания, определить возможность финансирования выборной компании через всемогущий в то время «Газпром». Пришлось около получаса ждать окончания разговора по телефону тридцатилетнего, высокого, в очках субъекта, который выяснял отношения с какими-то банками по поводу невыплаты ему очередных дивидендов. Но в беседе Иван Спиридонович дал понять, что будет голосовать только за те решения, которые сам считает целесообразными. Такая неуступчивость пришлась не по нраву молодому реформатору, и деньги НДР были брошены на другого, более податливого ставленника, который в последствии с треском провалил выборы. Правда, деньги, и немалые, были израсходованы по всем правилам.

Наконец, расписка была подписана. Сержант простился со злостным нарушителем закона и удалился, напоследок убедительно попросив об обязательной сдаче оружия на следующий день.

Закрыв дверь за блюстителем законности, Иван Спиридонович вернулся на кухню, закрыл фыркающий кипятком кран, поставил посуду на место и позвонил Гене, чтобы тот утром заехал за ним и отвез вместе с ружьем в назначенное сержантом место. Затем он вывел на прогулку собаку, которая во весь опор бросилась к своре дворовых псов, ведущих свою параллельную с

жителями неуютную жизнь. У пуделя среди этой своры была любимая собачка с гладкой светло-коричневой шкурой и лисьей мордашкой. Из-за нее он не раз насмерть дрался с дворовым вожаком, считавшим себя хозяином собачки, приземистым крупным псом, от укусов зубов которого шрамы во многих местах покрывали субтильное тело пуделя. И на этот раз «лисья мордашка», питавшая чувство расположения к пуделю, бросилась к нему навстречу, подставляя себя всеми местами. Тут же раздался басовый лай непонятно откуда появившегося вожака, с оскаленными клыками набросившегося на своего противника. Пришлось вмешаться и отогнать свору, начинавшую заходиться в неистовом лае. Вернувшись в квартиру и обмыв под душем пахнущего собачьим желанием пса, накормив его суповым набором, Иван Спиридонович привычно сел к включенному с утра компьютеру и принялся за работу.

Наутро, после выгуливания собаки, ритуально поздоровавшись с водителем пожатием руки, он погрузил в подъехавшую машину ружье, и они поехали сдаваться. Гена, как всегда, выглядел не выспавшимся, появился с опозданием, хотя на часах в машине до времени встречи оставалось еще минут пять. По привычке он подводил машинные часы назад, как бы доказывая свою пунктуальность, правда, только относительно этих часов. Зная эту особенность Гены, Иван Спиридонович ухмыльнулся:

– Что, опять часы стоят?

– Да, что-то я не посмотрел, сейчас вперед подведу…

– Ладно, ты лучше скажи, куда нам надо ехать.

– Я знаю, сам недавно получал разрешение. Вот только закатал его в пластик и только тогда обратил внимание, что печать начальника есть, а подписи нет. Ну, да ничего, главное – печать!

Они подъехали к двухэтажному деревянному, довоенной постройки зданию, обшарпанный фасад которого «украшала» массивная деревянная дверь, открывающаяся изнутри после звонка, установленного справа от двери. Вывеска с неясным для постороннего названием учреждения информации не добавляла. Поднявшись по начинающейся прямо от входа деревянной лестнице на второй этаж, они увидели сидящую за стоящим прямо на площадке столом женщину в милицейской форме. Она внимательно изучала какой-то журнал с фривольными картинками (то ли «Окна», то ли «Плейбой»).

– «Вам куда?» – спросила она, не отрывая глаз от обнаженных особ на обложке.

– Да вот, ружье на хранение принесли.

– Проходите по коридору налево.

– Спасибо!

Искомая дверь скрывала за собой тесный кабинет с четырьмя столами, за двумя из которых сидели женщины: одна – помоложе, другая

– постарше. Иван Спиридонович решил уточнить необходимость таких экстренных мероприятий по сдаче не стрелявшего ружья, занимающих время и расшатывающих нервную систему в общем-то законопослушных, но забывчивых граждан.

– Скажите, вот если я не охотник и считаю, что ружье, как оружие, мне не пригодится, оставаясь лишь декоративным предметом, можно ли залить его стволы свинцом, или просверлить стволы, чтобы нельзя было стрелять?

– Нет, тогда по закону необходимо это ружье уничтожить.

– Но, почему? Ведь в магазинах продаются муляжи, из которых за пять минут можно сделать стреляющий предмет. В детстве мы делали «поджигные» пистолеты из простой металлической трубки, начиняя ее серой от спичек. И еще как стреляли!

– Не знаю! Так положено по закону. Вот, посмотрите, здесь все это предусмотрено. А, если вы не пользуетесь ружьем, – продайте его! У нас даже специальный комиссионный магазин по продаже есть.

– Что, ООО «Торговля изъятым оружием по сниженным ценам»?

– Да нет, просто чтобы все было под контролем!

– Так вот я даже участковому говорил, что могут быть злоупотребления на любом этапе исполнения закона, о котором вы так печетесь. К тому же столько народа работает в этой, так

называемой разрешительной системе, носят погоны, получают зарплаты, которые необходимо повышать за счет бюджета, а занимаются абсолютно ясными для всех бюрократическими делами. Причем, на криминальную ситуацию в стране такого рода мероприятия никак не влияют. А профилактикой, даже судя по моему случаю, в этой системе и не пахнет! Кому надо, те находят и зарегистрированное, и украденное, вплоть до автоматического, оружие. Покупают и переносные зенитно-ракетные комплексы, и снайперские винтовки. Что-то гладкоствольными охотничьими ружьями бандиты не очень пользуются. А от случайного использования, или применения их психами – никто не застрахован! И из зарегистрированного по всем правилам оружия можно стрелять. Не говоря о терроризме, на который надо наброситься не только правоохранительным и прочим органам, но и всей мощью политической власти!

– Все это не нам надо говорить! Мы – всего лишь исполнители. По-другому нам действовать нельзя. Вот когда изменятся законы, тогда – другое дело!

Иван Спиридонович понял, что его обличительная речь действительно неуместна. Сидят за столами сотрудницы, исполняют четко и правильно свои служебные обязанности. К ним-то какие претензии?

После того как были оформлены необходимые документы, ружье осталось в кабинете, а ему в течение недели надо было собрать не-

обходимые справки, фотографии, заплатить, правда копеечную, пошлину, и тогда можно будет забрать оружие домой. А пока оно будет переправлено в находящийся за километр отсюда районный отдел милиции. «Для государства и для задействованных в этом деле людей – это просто потерянное время, которое стоит дорого и должно расходоваться с обоюдной пользой. Сейчас еще придется возиться с доставанием справок о том, что ты не псих, не состоишь на учете в диспансерах, хотя кому нужно – превосходно купит ее, заплатив кому надо… » – к такому ясному для себя выводу пришел Иван Спиридонович, оставляя на прощание вежливым право–охранительницам визитку с телефонами для контакта.

Присутствовавший при этом Гена хитро улыбался, по себе зная все этапы этого формального, но почему-то необходимого пути.

– Что, Спиридоныч? Еще побегать придется, пока все уладится.

– Ничего, я сейчас позвоню другу, зав. поликлиникой, договорюсь с ним. А уж фото сделать – не проблема.

В течение двух часов после звонка у Ивана Спиридоновича на руках уже была справка о том, что он «не состоит», «здоров и годен» и вообще… Через два часа были готовы фотографии и оплачена пошлина. Однако, после сдачи всех документов, только через две с половиной недели пришла пора забирать подарочное ружье, ставшее от этого еще дороже.

По дороге за разрешением Иван Спиридонович задремал под рассказ Гены о необходимости замены шаровых опор и преимуществе дисковых тормозов, под анекдоты типа: «Нам все равно, что чай с малиной, что е… в валенках».

Во сне он как бы перелистал картины недавнего посещения в Москве своего школьного приятеля, возглавляющего ныне какое-то ЗАО, или ЧП, который показал ему, насколько важна роль всех наших контролирующих и карающих органов в поддержании безобразного «порядка» в России.

Своими глазами Иван Спиридонович видел находящийся в распоряжении друга пропуск для правительственной машины, за который было заплачено три тысячи баксов, удостоверение инвалида второй группы, сотрудника органов внутренних дел – за шесть тысяч. Эти документы не были подделкой, они имели регистрацию в компьютерной базе данных соответствующих служб и использовались лишь для облегчения решения некоторых вопросов коммерческой деятельности. Любая справка в Москве (да и во всей России) покупается и продается! Подтверждением этого вывода было сообщение компетентных органов, прозвучавшее по радио и телевидению, что не без участия сотрудников этих же органов была осуществлена регистрация чеченских террористов в Москве перед событиями на «Норд-Осте». «Попробуй-ка зареги-

стрироваться в Москве ты, Иван Спиридонович, при всех твоих регалиях!»…

Машина резко затормозила, проскользнув по льду у порога уже знакомой двухэтажки несколько сантиметров. Преодолев лестницу, можно было увидеть результат потрясших страну взрывов, проявившийся в «усилении бдительности». За столом сидел молодой милиционер, справившийся о том, зачем пришли посетители, и записал их фамилии в прошнурованный и пронумерованный журнал. Ни газеты, ни журналов с картинками перед ним не было!

Получив требуемое разрешение, расписавшись в двух журналах, приятели направились в районное отделение за ружьем. Там их уже ждали. Ружье сиротливо стояло приткнутое к шкафу с бумагами в еще более тесной комнатушке с двумя сдвинутыми столами. Написав расписку и упаковав ружье в фибровый, черный футляр, Иван Спиридонович и Гена поехали домой.

Войдя в квартиру под приветственный лай соскучившейся по хозяину собаки, сели за стол. Гена, ухмыльнувшись, проговорил:

– Ну, что, Спиридоныч, как ты относишься к системе Станиславского?

– А причем он тут?

– Ну, как же! Помнишь, он говорил, что ружье, повешенное на сцене в первом акте, должно в последнем – выстрелить!

– Ну!!!

– Ты из ружья не стрелял ни разу?

– Нет!

– Я тут прихватил из своих запасов пару патронов. Заряжай!

– Нет, давай лучше ты!

– Ну, ладно, учись, пока я живой!

Он собрал ружье, зарядил оба ствола, при этом послышался щелчок взвода, и протянул его Ивану Спиридоновичу:

– Давай, ты давно хотел избавиться от обидчика своего пса! Вон он, кобелина, около кустов лежит! Самый раз опробовать прицел.

Выйдя на балкон, Иван Спиридонович повертел в руках двустволку, потом тихо сказал: «А пес-то при чем? Жизнь у него такая… и он в своей жизни такой, какой есть! Все, как у людей. Стоит ли тех, кто нам почему-то не нравится, отстреливать даже из зарегистрированных стволов? Пусть живет! Виновата система!».

Он вскинул ружье и направил стволы в небо: туда, где начинал светиться оранжево-белым светом диск луны. Звук выстрела слился с грохотом и треском новогоднего фейерверка, осветившего разноцветными вспышками всю округу. Собаки во дворе громко забрехали, но перекрыть шум праздника не смогли. Вожак медленно встал и побрел в поисках более тихого места… за ним, поджав хвост и, опустив голову почти до земли, потрусила «лисья мордашка». Восстановленную семейную идиллию дополнили бегущие следом друзья, братья, сестры и дети собачьей пары.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАЗДРАВНЫХ КУБКОВ ВЕЧНЫЙ ГЛАС...

В «Старом дворике» 5
Замес в грядущее 6
Армянская рапсодия 7
В женский праздник 8
За грядущие 155 и 150! 9
День физкультурника 11
Восемь вершин 11
Борисоглебская девчонка 13
Будьмо, гей! 14
С юбилеем! 16
Забег жизни 18
Сахарный день 19
Полтинник 20
Седоголовому 21
Шесть на девять 22
Армянину России 23
Отличнице 25
Пенсионный возраст 27
Ни слова о женщинах 28
С днем рождения! 31
Хороша! 32
Мастер и Маргарита 33
Только вперед! 34
День защитника 36
Страница бытия 37
Тетушка 38
Вызванные потенциалы 39
Жизненный вектор 41

ТАКИЕ ВРЕМЕНА

Пьяный тапер 45
Мой вой 46
Гордость Тулы 47
Не плачь! 48
Бильярд 49
Коси коса 50
Герою России 51
Девчонки 52
«Дрожащим от холода маем…» 53
Дяде Саше 53
Деревня 55
Боковое зрение 55
Стихосложение 56
Марсианская история 57
Мартовская встреча 58
Прощание с Сургутом 60
Пусть останется все 61
Сэр губернатор 62
Упрек любви 63
Перспектива 63
Осеннее 64
Левая правота 65
Гимн Тульского государственного университета 66
Путь туда 67
Цунами 68
Спасибо женщине 71
ДОРОГА В ПОТЕМКАХ 72
Часть 1. Неудавшееся торжество 72
Часть 2. Петр Петрович 124
ВЫСТРЕЛ В НИКУДА 163

Литературно-художественное издание

А. Хадарцев

РАЗМЫТЫЕ КОНТРАСТЫ

Стихи и проза

Подписано в печать 14.03.05 г.
Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета в
Государственном унитарном
издательско-полиграфическом предприятии
«Тульский полиграфист»
300600, Тула, ул. Каминского, 33